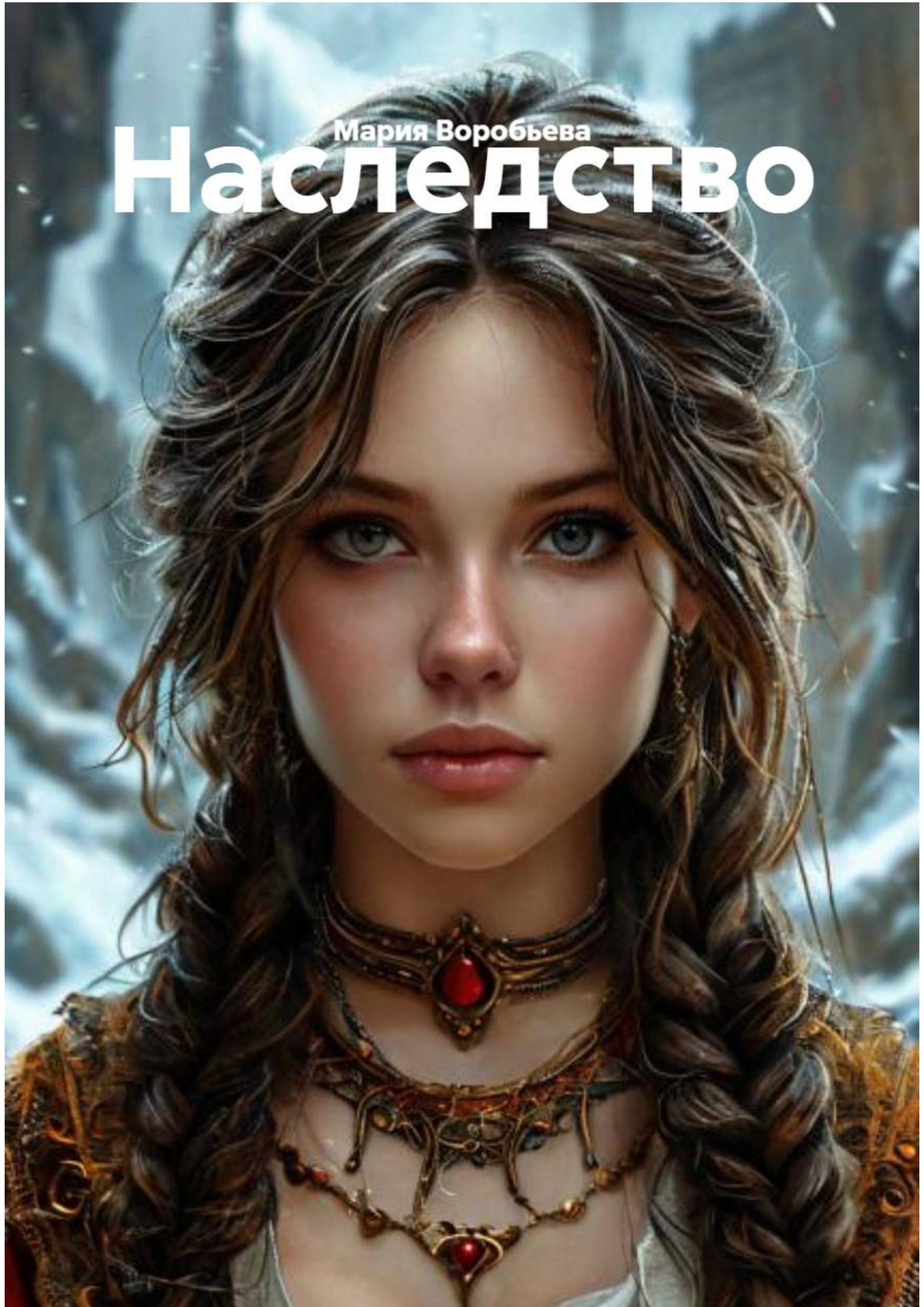

Мария Воробьева

Наследство

Мария Воробьева

Наследство

«Автор»

2026

Воробьева М.

Наследство / М. Воробьева — «Автор», 2026

Варя обычная провинциальная девушка- студентка после смерти своей матери узнает тайну своего происхождения и оказывается в другой реальности где ей приходится решать судьбы целых народов.

© Воробьева М., 2026

© Автор, 2026

Мария Воробьева

Наследство

Воробьева Мария Сергеевна
*Когда наши родные и близкие уходят
из жизни, они оставляют нам наследство.
Мы иногда и не догадываемся,
какое «богатство» нам уготовано.*

НАСЛЕДСТВО

2004

- 4 -

Часть 1.

1

Она сидела на подоконнике и смотрела вниз на проспект неторопливо попивая кофе. Штора отодвинулась, внезапно воссоединив ее с комнатой.

– Варвара Александровна, кушать подано, – возвестил Иван, наклоняясь в шутовском поклоне.

Сегодня был выходной, на учебу бежать сломя голову, опаздывая и дожевывая на ходу бутерброд не надо было, и поэтому

Варя с утра забралась на свой «любимый пост», так называл ее место за шторой на подоконнике Иван. Она любила сидеть здесь с утра и смотреть на пробуждение города.

– Тебе надо работать шпионкой, а не стриптизершей. Кого ты там все высматриваешь? – Ванька оставлял ее в покое явно не собирався.

Варвара спрыгнула с подоконника и вприпрыжку понеслась на кухню, на ходу прокричав, что она не стриптизерша, а танцовщица. Когда Иван вошел на кухню Варя сидела за столом демонстративно держа перед пустой тарелкой в одной руке вилку, в другой нож. Поделив утреннюю яичницу и сжевав ее, девушка налила себе очередную порцию кофе и снова направилась к подоконнику в гостиную.

– Варь, поговорить надо, – окликнул ее Иван.

Она покорно села на табуретку и изобразила на лице всепоглощающее внимание.

– Ты знаешь, моему деду назначили обследование в городской клинике, ты не будешь против, если он приедет и проживет пару дней во время обследования здесь? – Ивану неудобно было просить, он несколько дней не мог решиться поговорить об этом.

– Ну и долго ты на это решался? – улыбнулась девушка.

– Долго, – честно сознался он, облегченно вдохнув и в очередной раз подумав, что Варька единственная в мире женщина, которая является человеком.

- 5 -

– Я не против, – пожав плечами, кивнула Варя. – В этом есть

даже свой плюс...

Но какой она не договорила, потому что в дверь позвонили и Варвара побежала открывать.

– Надень что-нибудь подлиннее рубашки, это Витька ко мне пришел – понеслось ей вслед.

Но, выйдя в коридор, Иван сделал вывод, что Варя бежит быстрее скорости звуков, хотя это и противоречило всем законам физики. Витька стоял с наиглупейшей улыбкой на физиономии и протягивал девушке шикарную розу. Варя поблагодарила за подношение и скрылась в гостиной.

– Не захлебнись слюной, – произнес Иван, вталкивая обалдевшего Витьку в свои владения.

2

Варя приехала три года назад в столицу Урала с тысячами таких же, как она покорять грозные стены столичных вузов. Ехала с твердой уверенностью, что обратно уже не вернется. Причем знала на каком-то интуитивном уровне, что останется учиться в этом огромном, шумном городе. Варя поступила, набрав проходной бал на строительный факультет технического университета. Студенческая жизнь покатила сама собой, закрутив ее в водоворот лекций, вечеринок, походов на дискотеки и в кино. Многие из ее сокурсников не скрывали своей откровенной радости, что остались учиться, но учились они не ради учебы, как выяснилось, а ради свободы, которую давала эта учеба от родительской опеки. Варя была шокирована этим открытием: она очень скучала по маме. В целом мире у них двоих не было никого кроме друг друга. У Вари была мама – Надежда Павловна, а у мамы была Варя. Сколько Варя себя помнила они всегда были вместе. Мать посвящала дочери все свое свободное от работы время. Было какое-то священное таинство в их совместных вылазках на природу по выходным, в чтении книг по вечерам под тихое тиканье часов, даже в совместном приготовлении банальных щей они обе ощущали тайный смысл, понятный только им двоим. Варя скучала иногда до боли в сердце по

- 6 -

тихим долгим разговорам в желтом свете старенького абажура. В их жизни никогда не было бесконечной череды тетушек, бабушек, племяшек, шуринов и прочих многоименных родственников, чему они (каждая в отдельности) втайне радовались. Жили они с мамой в обычной безликой двухкомнатной хрущобе маленького промышленного городка, сердцем которого был металлургический комбинат. Мама, как почти все жители городка, работала на этом гиганте по трехсменному графику. Окружающие их люди по-доброму

завидовали той идиллии, что царила между дочерью и матерью. Но одновременно с этим удивляла всех несхожесть во внешности между такими родными людьми. Надежда Павловна не блистала красотой: маленького роста, коренастая с каким-то сморщенным обезьяньим личиком, она притягивала к себе взгляды людей, как притягивает их карлик в цирке. Варвара была абсолютным антиподом: высокая, статная, с величественной осанкой, слегка вьющиеся густые черные волосы и правильные портретные черты лица в целом создавали внешность не только красивую, но и одухотворенную живым светом голубых глаз. Соседки шептались, что Надя де по молодости подлегла под красавца, да и забрюхатела, а поскольку внешность Бог ее обидел, то и растит девку одна (кому такая мартышка нужна). Хорошо, что хоть девчонка в папашу-павлина красива, а характером как мать – мягкая. Такая байка ходила в городе в качестве объяснения несхожести матери и дочери, она принималась как научно доказанный факт, и вся женская половина городка понимающе-сочувственно вздыхала, в очередной раз убеждаясь в нелегкой бабьей доле на Руси. Для Вари мать была единственным человеком в чьих добрых глазах можно утопить любую беду. Она стремилась стать лучше, добрее с этой женщиной, чей духовный мир нельзя было сравнить ни с какой физической красотой. Про своего отца Варя никогда не спрашивала.

3

Кроме тоски по маме, Варю невыносимо раздражала необходимость жить в общежитии: где один туалет на весь коридор; где в душе вечно нет воды; с вездесущими и неистребимыми полчищами

- 7 -

тараканов, которые не только не боялись рассыпаемой СЭС отравы, а похоже питающиеся ею с удовольствием; с текущими, исправнее душа, в любое время года потолками. Она молча терпела это, зная, что большего ее мама не может ей дать. Нет, ей нравилось общаться с сокурсниками, хохотать с девчонками на общей кухне, шептаться здесь же о том, в кого на этой неделе влюблена Лилька Гурьева, но иногда хотелось услышать тиканье домашних часов в тишине ночи. В комнате их обитало шесть человек. За первые несколько месяцев они обжили комнату: навесили книжных полок и плакатов, прикрывающих трещины в штукатурке, насадили в большие пластиковые «ведерки» из-под майонеза цветов, которые всем потоком тырились у химички в лаборатории, каждая из девчонок привезла из дома те вещички-безделушки, по которым безошибочно определялась принадлежность комнаты женскому полу. В этой комнате сразу все стало общим, как и все в этом старом подтекающем здании. Каждая из девушек мечтала о том, чтобы снимать отдельную комнату в городе или квартиру (верх роскоши) с отдельными удобствами. Но это были мечты, так как стоимость такой жилплощади подчас равнялась месячной зарплате одного из родителей, работающих на периферии. Так что оставалось

жить дальше и мечтать, что удастся подцепить принца–аборигена с отдельным жильем. Но, похоже, желающих было немного, да и аборигены были разборчивы, благодаря своим мамочкам, и на лимиту особых взглядов не имели. Варя смутно помнила первое полугодие. Все это время слилось в череду лекций, практических занятий, лабораторных, бесконечных «тысяч» по английскому языку, перевод

которых занимал все свободное от увеселений время.

На одной из таких студенческих вечеринок, на снимаемой квартире, Варя познакомилась с Ваней. Он же ей и помог с работой. Иван был второкурсником, обладателем роскошного тела и бесконечного обаяния, а также, что немало привлекательно, широкой души. Одним словом, все представительницы прекрасного пола университета, независимо от возраста и ориентации, Ванечку боготворили. Такое количество женского внимания не испортило и не избаловало его. Варю он заметил давно, но подойти и познакомиться не решился, думал, что у девушки с королевской грацией существует

- 8 -

множество влиятельных и богатых поклонников, а на долгое завоевание у него не было ни сил, ни времени – жизнь и так прекрасна. Но даже на расстоянии он чувствовал, что об эту женщину он может обжечься, а после просто прикипеть обожженной оболочкой души навсегда. В тот вечер Иван смотрел только на нее, его поражала та легкость, с которой Варвара общалась с друзьями, он видел, что ее здесь любят и ценят, что она приятна многим. Это поведение совсем не увязывалось с тем образом, который он нарисовал в своем воображении – холодной, расчетливой девицы, которая знает четко размер пачки долларов, которую она стоит. Иван умел контролировать количество поглощаемого спиртного, но в этот вечер явно перебрал. В воспоминаниях о вечере остались громкие голоса, настроение веселости, холод зимней улицы и фары такси. Он проснулся у себя дома с жуткой головной болью на следующий день ближе к полудню. В квартире было тихо, только было слышно, как капает вода на кухне из крана. Иван встал и направился в ванну, по пути решил заглянуть на кухню и закрыть кран. Зайдя, обомлел – на подоконнике, поджав по себя ноги, сидела Варвара в его рубашке и читала учебник по философии.

– Долго же ты спишь по утрам. – Сказала она, спрыгивая с подоконника. – Сварить тебе кофе?

– Ты давно здесь? – Обретя голос, спросил Иван.

– Вообще–то со вчерашнего вечера, – улыбнулась Варя, ставя чайник с водой на плиту. – Ты что, ничего не помнишь?

– Нет, – Иван сел на табуретку.

– Я тебя вчера привезла домой, так как ты был в бессознательном состоянии, а Лилька Гурьева пыталась похитить тебя с целью совращения и удовлетворения своих сексуальных потребностей, – пояснила Варя.

– А ты ничего не пыталась со мной вчера сделать? – с надеждой

в голосе спросил Иван, подхватив шутливые нотки в ее голосе.
– И не надейся, – фыркнула Варя.
Они сели пить кофе, продолжая болтать о вчерашнем вечере.
Варвара хохотала над его вопросами, и восполняла пробелы его памяти.
Потом незаметно они начали рассказывать друг другу о себе. Головная

- 9 -

боль постепенно утихла, и Иван поймал себя на мысли, что ему с ней очень хорошо, по– домашнему уютно и что она ему безумно нравится.
– Поживи у меня, – вдруг вырвалось у него, когда она упомянула, что несмотря на то, что ей нравится студенческая жизнь жить в общежитии она не может.

Она подняла глаза и серьезно посмотрела на него.

– А если я соглашусь? – спросила она тихо.

– Я хочу, чтобы ты согласилась. – ответил Иван.

– Кем я здесь буду? – последовал прямой вопрос.

– Кем захочешь!

– Ты снимаешь эту квартиру? – поинтересовалась Варвара.

Получив утвердительный ответ, Варя задумалась.

– У меня нет денег, чтобы оплачивать половину стоимости. – сказала она. – А быть твоей содержанкой я не хочу.

Иван растерялся. Было ощущение, что он теряет, что–то ценное и необходимое ему. Он не мог предложить этой девушке быть его любовницей, но, с другой стороны, не понимал сам, почему хочет видеть ее каждый вечер вот так – в рубашке. Он боялся обидеть ее и боялся потерять, и поэтому чувствовал себя последним идиотом.

– Вставай, одевайся, едем за твоими вещами и никаких гвоздей.

– резко вставая, сказал Иван.

Они вдруг начали лихорадочно собираться. При этом оба боялись взглянуть друг на друга и молчали. На улице Иван поймал машину, сказав водителю, что накинет червонец, если доберутся быстро. В общежитии девчонки – соседки чуть не попадали, когда увидели, кто приехал с Варварой собирать ее вещи. Пока Варя собирала вещи Иван, усевшись за стол тут же в комнате, дегустировал домашние варенья и шутил с девчонками. Провожая их, половина этажа буквально рыдало, понимая, что на неопределенно долгий срок Ванечка прибран, так сказать, к рукам и притом, судя по тому, что согласился отречься от вольного существования, надолго. Варвару атмосфера всеобщего удивления лишь позабавила.

– Чему это ты так широко улыбаешься? – спросил Иван в машине на обратном пути.

– Да так, – пожалла Варя плечами, – наверное, свободе.

- 10 -

В тот вечер спать они улеглись в разные комнаты, и Варя с облегчением решила, что об их отношениях в ночное время суток она подумает завтра. На утро, пока Иван спал, Варвара потихоньку убежала

в университет, где с порога столкнулась с расспросами и завистливыми взглядами. Вечером, вернувшись домой, она застала Ивана у плиты, разогревающего ужин.

– Я сейчас уйду на работу, а ты пока тут осваивайся. – Сказал он ей.

– А где это ты работаешь по ночам? – удивилась она.

– Я – бармен в «Лиане».

– В «Лиане»? – Девушка была ошарашена.

«Лиана» считался самым престижным ночным заведением в миллионном городе. Там все было безумно дорого: начиная от платы за вход и заканчивая чаевыми официантам. Там каждый вечер шла феерическая танцевальная программа с элементами стриптиза. Попасты туда мог далеко не каждый, кто имел кучу денег. В этом заведении работал Иван, да не кем ни будь, а барменом – сердцем клубной жизни, которое вкачивает кровь веселья в ненасытное тело бурлящей толпы.

Только сейчас Варя стало ясно, почему вопрос денег не встает перед Ваней остро. Пока он с особой тщательностью брился, причесывался и одевался, Варвара поужинала и вышла его проводить в коридор.

– Ты занимайся и не готовь ничего, я со смены, что-нибудь принесу. – сказал он у порога.

Варя поднялась на цыпочки и поцеловала его:

– Я буду скучать.

Он удивленно взглянул на нее и вышел.

Лежа этой ночью в постели Варвара долго не могла уснуть, обдумывая свое нынешнее положение. Она раз десять принимала

решение собрать вещи и уйти и каждый раз ловила себя на мысли, что никуда не хочет уходить от этого человека. Ее было хорошо и уютно рядом с ним, она была приятно удивлена, что помимо прекрасной внешности он обладает еще и большим сердцем. Варвара поняла, что готова принадлежать ему и не только телом. В ее жизни уже были мужчины, но по-настоящему она еще никого не любила – были лишь мимолетные увлечения. Вечером следующего дня они вместе сидели на

- 11 -

кухне и болтали. По странной случайности, в качестве места для общения они оба предпочитали именно кухню. Внезапно Иван замолчал и внимательно посмотрел на Варю.

– А ну-ка, встань, – прервал он свое молчание. – Повернись, и задери халат повыше.

– Не самый лучший способ соблазнить меня, – произнесла она, тем не менее вставая, и приподнимая халат.

Иван осмотрел ее и удовлетворенно кивнул:

– Хочешь танцевать в «Лиане»?

– Слушай, Иван, я этим не занимаюсь.

– Чем этим?

– Ну, я не продажная девушка.

Иван заразительно засмеялся, откинув голову.

– А кто говорит, что танцовщицы — это обязательно шлюхи? –

произнес он тихо, глядя ей в глаза. – У нас за это Тотоша девчонок на пинках вышвыривает.

– Кто это Тотоша?

– Тотоша — это хозяин. – Пояснил Иван. – Слушай, Варюша, у нас ушла одна девочка, место пока свободно, завтра хореограф будет проводить смотр, а я могу договориться.

– По благу значит? – Улыбнулась Варя.

– Ну, да. – Кивнул Иван. – Ты сама, подумай, работу в дневное время тебе не найти, потому что надо на лекции ходить, а тут работа ночью и деньги не плохие. Тебя ведь денежный вопрос волнует? Денежный вопрос волновал Варю не меньше, чем вопрос Морали.

– А у вас там, правда, девчонки только танцуют?

– Правда, – Иван улыбнулся. – Ну посуди сама, они за вечер так напрыгаются, что им бы только до подушки добраться, да уснуть поскорей. Кому они такие вареные да потные нужны? Насчет поведения там все очень строго. Тотоша барменам даже строго наказывает после смены кроме одного бокала мартини девчонкам ничего не наливать. Это не потому, что выпивки жалко, а что бы не спились. А вообще, хочешь, сходим вместе, и сама все посмотришь?

– Ладно, давай сходим, – согласилась Варя. – Хотя я не уверена,

- 12 -

что справлюсь. Только скажи мне вот что: почему вашего хозяина так смешно зовут?

– А, ну это история детской литературы. Зовут его Геннадием.

А есть такие знаменитые стихотворные строчки, где крокодил звонит по телефону и говорит: «Пришли нам калоши, и мне и жене и Тотоше». Логика такая: если Гена, значит крокодил, а если крокодил, то Тотоша. Ночь они провели вместе.

4

Клуб «Лиана» по достоинству носил свое название. Здесь с порога во всем чувствовалась умелая и знающая дело увеселительного отдыха рука управляющего. Каждое желание клиента здесь предугадывалось, и удовлетворялась моментально. Это была настоящая лиана, попав в объятия которой, ты не сможешь выбраться. Иван усадил ее за столик в дальнем углу:

– Место конечно не люкс, но зато всегда в распоряжение сотрудников.

Варвара улыбнулась, оглядываясь вокруг. Зал был полон, работали кондиционеры, звучала музыка, вокруг столиков сновали

официанты. Большое квадратное помещение ресторана было условно

поделено на четыре зоны, в каждой из которой, как объяснил Иван, было свое специфическое меню. Были оформлены китайская «зона», итальянская, русская и «зона» Франции.

Отделка помещения

полностью передавала традиции стран и создавала соответствующее

настроение для принятия пищи. Служебный столик находился в русской зоне, и даже при наплыве посетителей он был в распоряжении только работников заведения. С любого места в ресторане отлично просматривалась огромная сцена, обрамленная разноцветными огнями. Танцы на сцене еще не начались – вечер только начинался. Помимо ресторана в здании клуба имелись помещения, оборудованные под игру в боулинг, бильярд, имелась пара карточных столов, рулетка, а также, для публики помо- ложе, дискотека, где периодически появлялись самые знаменитые диджеи Москвы и Санкт-Петербурга. Стойка бара – место работы Ивана, была оборудована в игровом зале, на вечер за нее

- 13 -

вставало два бармена, одновременно еще четверо работало за стойкой в дискотеке. Пока Иван объяснял все устройство клуба к ним подошел официант.

– Ну, как сегодня? – поинтересовался Иван, поздоровавшись.

– Уже как в бане, – ответил парнишка, улыбнувшись.

Иван сделал заказ.

– Тебе нравится? – наклонившись к ее уху спросил Иван.

– Да, – Варя восхищенно кивнула – она такого сроду не видывала.

– Сейчас посмотрим девчонок, а потом я тебя представлю Гере.

Варя кивнула, поняв, что человек по имени Гера и есть тот самый хореограф. Когда началась танцевальная программа, подали на все столики шампанское и притушили свет. Танцы длились полтора часа. Менялись костюмы, свет софитов, музыка. На сцене, завораживая четкостью и слаженностью движений, танцевали богини. Варвара не могла назвать их иначе – полуголые тела, а иногда совсем обнаженные, были идеальными.

Крики «браво» потрясли стены по окончанию представления. Варвара была потрясена:

– Это просто «Мулен Руж» какой-то!

– Не какой то, а мирового масштаба, – улыбнулся ей Иван.

– Я так не смогу, – разочаровано протянула Варя.

– А не кто тебе не говорит, что выпустят тебя на сцену через неделю. Гера дрессирует новеньких как минимум три месяца. Варь, япрекрасно вижу какое у тебя тренированное тело, ты хорошо

подготовлена физически, и я думаю, что ты справишься. Только заранее приготовься к тому, что это будет адский труд.

В служебных помещениях, куда утянул ее Иван после ужина жизнь била ключом. Сновали полуобнаженные девицы, за ними следом костюмеры и гримеры, на ходу разговаривая, подкрашивая и напяливая костюмы. После основной программы девушек – танцовщиц разбивали на мелкие группы, и они шли отплясывать в другие залы «Лианы».

Работали они не покладая рук и ног всю ночь. По среди этого «дурдома» стояло маленькое существо неопределенного пола и орало капризным голосом на все, что имело неосторожность пробежать мимо. Это оказался, к ужасу Варвары, Гера.

- 14 -

– Это она? – обращаясь к Ивану, ткнул пальцем в девушку хореограф.

– Да, – кивнул Иван.

– Пошли в зал, посмотрим, что ты мне привел, – развернувшись, Гера быстро засеменял по коридору, продолжая покрикивать на окружающих.

Зал, куда они пришли, был полностью отделан зеркалами, пол был выстлан дорогим паркетом, таким же, как на сцене, в некоторых местах были брошены коврики, очевидно для того, чтобы в определенных случаях не скользить по начищенному покрытию. По просьбе Геры Иван вышел за дверь. Оставшись наедине, Гера вдруг посмотрел Варваре в глаза и улыбнулся. Она сразу облегченно вздохнула – может он не такой деспот каким кажется. Глаза у Геры были добрыми с тонкими морщинками – лучиками вокруг.

– Страшный я, правда? – Смешно выкатывая глаза поинтересовался он.

Варя кивнула, улыгнувшись. Гера попросил снять одежду, после чего сантиметр за сантиметром аккуратно и мягко обследовал ее

тело. Варвара не боялась его прикосновений, так как Иван подготовил ее к подобному осмотру, а так же открыл маленький секрет, что Гера гей. После осмотра Гера удовлетворенно улыбнулся, включил музыку и, встав лицом к девушке, приказал повторять за ним все движения. Он прекрасно двигался в такт музыке. Кое-что у Варвары не получалось и ей стало неловко. Музыка прекратилась, Гера опять улыбнулся:

– Как тебя зовут? – спросил он

Варя представилась.

– Можешь считать, что я тебя беру. Мышечная ткань требует немного тренировок и эластичности, слух и координация движений у тебя великолепные. Ты где-нибудь занималась танцами?

– Нет, мама меня учила кое-чему, – ответила она, натягивая на себя брюки.

– Тренироваться начнем с завтрашнего дня. Начало в пятнадцать ноль–ноль. Опозданий я не люблю. Занятия три раза в неделю. И еще, никаких наркотиков, проституции, пьянства в твоей жизни и на работе быть с этого дня не должно. Здесь платят приличные

- 15 -

деньги за порядочную работу, – огласил весь список правил жизни Геры, – завтра не забудь захватить документы, нужно зайти в отдел кадров – оформить договор, у нас все как у больших.

5

Начались жесткие, «потные» трудовые будни, когда вечером, после всех этих тренировок она не могла даже есть, а сразу падала в кровать. Утром, преодолевая боль во всех членах, – вставала и

тащилась, как старая кляча в университет. Вечером только при одном взгляде на этого гея-садиста Геру слезы комком подкатывали к горлу. Но, этот карлик улыбался, отводил в комнату для массажа, лично разогревал своими руками каждую мышцу, и Варя чувствовала, что сегодняшнюю тренировку она переживет. Как и предсказывал Гера, боль прошла через неделю.

– Твои мышцы вошли в рабочий тонус, – говорил он, – а вот если бы ты, после первой тренировки прекратила занятия, то ломало бы тебя так же неделю, но потом пришлось бы начинать все заново. За три месяца занятий Варя отработала один номер с четырьмя напарницами.

– Сегодня репетиция в костюмах на сцене, а завтра выступление, – объявил в один из дней Гера.

Репетиция в костюмах казалась для всех «тихим ужасом». На ноги пришлось водрузить туфли на такой острющей шпильке, что казалось она впивается в пол. К тому же на голове помещалась корона из перьев, которая весила, по меньшей мере с десяток килограмм, и раскачиваясь, при каждом шаге, перья норовили опрокинуть девушек. Минут пять Варя привыкала к ощущению шевелящегося страуса на голове, потом, постепенно привыкнув, даже смогла достаточно уверенно и быстро пройтись.

– Да, Гера, ты нас научишь и с этими дурами на головах гопак выплясывать, – проворчала одна из девушек, – тоже мне Мулен Руж. Гера только хмыкнул и побежал на своих коротеньких ножках к сцене в ресторане. После десяти попыток у девушек получился весь танец, хотя в успешном результате не сомневался никто – Гера был

- 16 -

богом танцев и ему было плевать сколько литров жидкости в виде пота и слез он выкачает из своих подопечных.

Постепенно Варя втянулась в ритм учебы и работы. У нее появились деньги, и деньги приличные, и теперь она могла сама помогать своей маме. Правда, навещать ее она могла лишь раз в месяц. Надежде Павловне она объяснила появление денег тем, что якобы нашла работу ночной няни. Это была ее первая тайна от мамы. С Ванькой все было гладко и мирно. Наверное, потому, что они почти не виделись, работая в разные смены, а днем учась. Но в те минуты, когда они все же встречались дома в их душах, воцарялся покой, им было хорошо и уютно вместе. Каждый из них знал, что всегда найдет в горе и в радости, опору и понимание в лице другого.

6

Идиллия в жизни Варвары длилась недолго. В одно пасмурное утро, когда весь университет гудел в ожидании сессии, на кафедру позвонила мамина соседка тетя Тася и сообщила, что мама умерла. Тогда Варе, срочно вызванной в деканат с лекции, показалось, что она на какое-то время ослепла и оглохла. Не было сил даже заплакать не то

чтобы осознать прошедшее. В тот же вечер, сев в холодный полупустой плацкартный вагон Варя уехала в свой городок. Маму увезли в морг, но Варвара, придя туда на следующее утро не осмелилась взглянуть на тело.

– Пока я не увижу ее мертвой, я не поверю, что ее больше нет,
– она прошептала это сама себе и резко развернувшись, бросилась вон из холодного здания городского морга.

Мама умерла от сердечной недостаточности, так было написано в заключении, сделанным патологоанатомом. С похоронами помогли вездесущие соседки, которые, в отличие от Варвары, разбирались, что к чему в таких случаях. Приличную сумму денег Варя

на прощание сунул Иван, что оказалось очень кстати.

Она решила остаться до 9 дней, потом приехать на 40, а к тому времени решить, как поступить с квартирой. Предстояло перебрать мамини вещи. Потихоньку, вдумчиво разбирала она старые книги,

- 17 -

пластинки многое упаковывала, чтобы везти с собой. Она не расставалась с «обморочной» бутылкой коньяка, которую ей тоже предусмотрительно сунул Иван. Темная ароматная жидкость отгоняла воспоминания о сырой, мрачной пасти могилы, куда опустит в заколоченном гробу согласно русской традиции на трех полотенцах, тело самого дорогого Варя человека.

Перебирая вещи, Варвара наткнулась на запертую шкатулку.
«Странно,» – подумала девушка, – «у мамы сроду не было от меня секретов. Я даже с первого класса знала где у нас деньги лежат».

Варя порылась везде, где только можно в поисках ключа, но тщетно: ничего не находилось. Помучившись в поисках около получаса, Варя опрокинула очередную рюмочку «Арарата» и скovyрнула замок ножом для разделки мяса, которое иногда в их с мамой холодильнике появлялось. Шкатулка изнутри, как, впрочем, и снаружи, ничем особым не отличалась. Обычная темная лакировка по дереву снаружи, бархатная обивка внутри. В ней оказалось три письма, как выяснилось позже. Каждое письмо по отдельности было

перехвачено тонкой тесьмой. Варя взяла то, что лежало сверху.

– Наверное, ничего страшного не случится, если я его прочту, – успокоила она себя вслух и развернула письмо.

Бумага была свернута явно не под отечественный конверт эпохи социализма. Письмо было написано на толстой, нелинованной бумаге, пожелтевшей от времени. Написано было чернилами. Варя выдохнула и принялась читать.

«Здравствуйте, милейшая Надежда Павловна.

Храни, Вас, Бог во всех делах и начинаниях Ваших.

Когда, Вы, будете читать это послание наш эшелон уже

унесет меня далеко от города на юг: там формируются сейчас

ополчения. Не передать словами, как тяжела для меня боль от разлуки

с Вами, но долг истинных патриотов отечества Российского–

постоять за землю русскую и за императора. Мне жутко осознавать, что на мир наш, где все было так правильно, прекрасно и мило, опустился сапог Гражданской войны. Неужели, та жизнь, что

созидалась многими веками дедами нашими, должна утонуть в

- 18 -

смаде братоубийства? Мы не должны позволить варварам, не знающим ни письма, ни грамоты одержать верх, ввергнув страну Великого Петра в красный разгул. Хотя, о чем я? Разве может толпа пьяниц и отребья противостоять цвету дворянства Российского? Я не смею надеяться, что Вы будете хоть изредка вспоминать меня. Но даже Вы не сможете запретить мне любить Вас. Я часто вспоминаю тот бал у графа Шереметьева в Кусково, где впервые увидел Вас. Как прекрасны Вы были, кружась в танце по белой зале. И тогда казалось, что золотом сияет не зала, а свет этот излучаете Вы. Я помню каждое слово нашей с Вами беседы в Малиновой гостиной. И как несчастен я был в тот вечер, узнав, что Вы принадлежите другому. Я не знаю человека благородней и великодушней, чем граф Орлов, но от этого мне еще тяжелее. Я останусь в живых, если буду надеяться на то, что увижу Вас вновь. С этой надеждой в сердце я преодолею все невзгоды и трудности грядущей неизвестности.

Еще позвольте сознаться Вам, Надежда Павловна, что без Вашего согласия три года назад я совершил непростительную дерзость. Помните то лето, когда мы случайно встретились с Вами и Вашим супругом в Венеции? Ваш муж тогда заказал у лучшего художника портрет Ваш. Я же осмелился тогда, потеряв голову и рассудок, заказать тому же художнику медальон с Вашим изображением. Сейчас, уезжая в неизвестность судьбы, я возвращаю Вам, то, что хранил все эти годы у сердца. Я возвращаю медальон, что украл у Вас. Я не хочу, чтобы моя смерть, которая может случиться, ведь это война, причинила Вам неприятности. Ведь если меня не станет, и в моих вещах обнаружат этот медальон, то у Вас могут возникнуть неприятности. Я не хочу компрометировать Вас, графиня. Слова любви готовы литься на бумагу бесконечно, но, увы, я не смею тревожить Вас боле. Я каждый день буду молить Бога, чтобы он дал счастья и покоя Вам, Надежда Павловна.

Всегда Ваш, покорнейше, Князь Темерязев.

P.S. Уничтожьте это письмо, не стоит ради меня рисковать своей репутацией святой женщины, каковой Вы и являетесь. »

- 19 -

Варвара подняла глаза от письма:

– Графиня Надежда Павловна Орлова– это моя бабушка или прабабушка? И моя ли? Наверно моя, если мама хранила это письмо. Но почему так таилась от меня? Вот, что странно.

Мысли лились вслух в пустой квартире. Варвара порылась в

шкатулке: искрясь потрескавшейся глазурью в лучах электрической лампы на свет появился медальон.

– Мама?!–невольно вырвалось у Вари.

На девушку, с, медальона, улыбаясь, смотрела ее мама. Правда, платье на ней и прическа относились к веку 19, но ведь эта милая

сердцу некрасивость лица была единственной на всем белом свете.

– Наверное, моя бабушка и мама были очень похожи, –

произнесла вслух Варвара. – Прямо, как две капли воды.

Девушка плеснула еще коньяка в рюмку и опрокинула ее в рот.

Тепло пробежало по пищеводу, и мысли стали упорядочиваться.

– Итак, что мы имеем? Во–первых, мы приходим из рода, так сказать, графьев; во–вторых, мама происхождение свое скрывала и, надо заметить довольно успешно, ото всех, даже от меня, так как я была

ребенком, а на дворе гордо реяла власть советов; в–третьих, очень

странно, что бабушка или даже прабабушка жутко похожи с мамой. А, в-четвертых, до

жути интересно, за что же это совсем не красавицу

бабку так полюбил, да еще и с первой встречи, этот князь?

Да, мысли Варвары встали на места, но это ни к чему хорошему

не привело. Между тем руки ее сами собой судорожно потянулись к

следующему письму. Дата на нем, а вернее в нем, стояла август 1943г., а адресовано это письмо, сложенное в виде треугольника, так же

Надежде Павловне.

– Бред какой-то. Я с ума сойду, – вслух воскликнула Варя. – это кому? Маме? Бабушке?

Письмо было на редкость лаконичным:

« Здравствуйте Наденька Павловна

Долго не решался я тебе писать, но впереди у нас переход

долгий, потому не знаю когда доведется еще писать и доведется ли

вообще. В нашу последнюю встречу не решился сказать, а вот теперь

- 20 -

чувет мое сердце, что надо.

Полюбил я тебя Надя очень. И хочу вернувшись, стать твоим

мужем. Вот и все пожалуй. Дефферамб петь не умею, да и растягивать

ни к чему, ясно все и так.

Петр Грачук, август 1943»

– Ну, что ж ты, Петя Грачук, не заказал медальон с изображением Наденьки у Венецианского мастера? – почти простонала

Варя. – Мог бы и постараться, а то я сиди и думай тут, в кого ты

влюбился, в 60-ти летнюю старушку или не родившуюся девчущку?

Нет, все, надо идти спать, а то меня даже увезти в больничку с приступом шизофрении некому.

Третье письмо оказалось сплошными каракулями. То ли иероглифы, то ли еще бог весть что.

Варя подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу:

– Ох, мама, мамочка, – слезы сами собой потекли по щекам. –

Это как же я теперь одна, без тебя?

Она еще раз повертела в руках третье письмо и отправилась спать. Наутро Варя долго лежала, глядя в беленый потолок, искала в себе силы встать и не находила таковых.

– Так, ну, все, – сказала она и резко села на не разобранный диван. – Если я раскисну сейчас, то потом вообще не возьму себя в руки. Мама бы точно не одобрила, то, что я раскисла как квашня и начинаю заливать горе. Пора привыкать к мысли, что до мамы теперь не 200 километров, а много больше, но в сердце она со мной навсегда. Подобные самовнушения Варвара всегда делала, когда случалось что-то плохое. Надо было только потом, в течении какого-то времени, в зависимости от тяжести происшествия, постоянно себе напоминать данную установку и все нормализуется. Хотя сейчас Варя понимала, что смерть матери она не сможет пережить очень долго и потребуются большое количество внутренних сил.

Все последующие дни Варвара продолжала упаковывать дорогие ее сердцу вещи. И все эти дни ее неустанно преследовал, явившийся невесть откуда вопрос: почему нет никаких фотографий из прошлого мамы? Ну, тех, где она в школе, молодая с подругами. Были

- 21 -

лишь совместно нажитые фото, из времен, когда Варя появилась на свет. Все это казалось Варе очень странным, хотя при жизни мамы подобных вопросов не возникало.

Варвара раздала многочисленным бабулям-соседкам мамину одежду, кухонную утварь, кое-какую мебель. Помянув маму на ее могилке в 9 дней, Варвара уехала обратно, в свою жизнь в третьей столице России.

7

На вокзале ее встречал Иван.

– Ого, у тебя там кирпичи? – удивился он, подхватив Варин чемодан.

– Нет, там книги и пластинки, – девушка звонко чмокнула Ивана в губы.

– А граммофон ты совсем случайно не захватила? – улыбнулся Иван несмело.

– Захватила, – утвердительно кивнула Варя в сторону больших тюков за своей спиной.

– Это тоже с тобой? – Иван оторопел. – Я искренне считал, что это принадлежит челнокам-китайцам.

– Нет, солнышко, это все мое приданное.

Варя с Иваном поймали такси и с трудом втиснув в него все сумки и себя отправились домой. Дома Иван заботливо сварил кофе. Они молча в кухне помянули маму водкой и не прерывая тишины выпили кофе. Под желтым светом электрической лампочки Варя начала приходить в реальность, отодвигая тяжесть в душе. На

следующее утро перед походом в университет Варя завела разговор, к которому готовилась последние несколько дней.

– Слышь, Вань, – обратилась она к парню – я тут нашла занятные вещицы у мамы.

– Что именно? – Иван высунулся из ванны с намыленным подбородком, горячо откликаясь на желание Вари поговорить.

– Вот, монеты

Варвара поднесла к его носу ладонь, на которой тускло мерцая

- 22 -

лежало 5 кругляшков.

– Золото? – мгновенно предположил Иван, беря одну и рассматривая повнимательней. – Похоже очень старая и уж точно не русская, – заключил парень. – Знаешь, Варюша, я, конечно, в деле нумизматики полный профан, но имею возможность показать её одному ба-а-льшому человечку, он собирает антиквариат, причем не хлам, а вещи реально очень дорогие. Может чего выгорит.

В это утро Варя, собравшись с духом решила отправится в университет и не пожалела. Все-таки общение с людьми подействовало на нее живительно. После лекций она с девчонками, бывшими соседками по комнате в общежитии, заскочили в супермаркет, где закупили всяких вкусностей и вина, спустив всю стипендию. В общежитии устроили пир. Потом за долгой беседой обсуждались последние новости и сплетни из жизни университета. Девчонки, давясь от смеха, перебивая друг друга, принялись рассказывать Варваре о последней выходке Лильки Гурьевой. Дело в том, что на «женскую половину» общежития поселили несколько комнат парней. Ну, мальчишки с утра, как водится, решили испить чайку и поставили в общей кухне на плиту кипятиться

воду в чайнике. Так как чайник с водопроводной водой — это не борщ, то оставлен он был без присмотра, как оказалось в последствии очень

даже напрасно. Вечно бегущая, спешащая и орущая Лилька Гурьева в это злосчастное утро решила полакомится вареными яйцами. Залетев на кухню и не обнаружив там свободных конфорок, она недолго думая опустила яйца в ... чайник парней и убежала обратно в свою комнату наводить маршкет. По прошествию времени, необходимого для варки яиц, Лилька влетела в кухню и, к своему удивлению, чайника не обнаружила. У девчонок, крутящихся на кухне Лилька выяснила номер комнаты хозяев чайника, наглым образом похитивших ее завтрак. С самыми серьезными намерениями Лилька влетела в комнату к парням, Ребятки как нив чем не бывало попивали чаек с домашними булочками.

– А ну, ворюги, отдавайте мои яйца, – заорала Лилька во всю мощь своих легких.

Бедные парни и весь этаж последующие 10 минут врубались в ее вопли, пока, наконец, кто-то не догадался заглянуть в чайник. Когда обнаруженные во чреве чайника яйца извлекли на свет божий, парней

- 23 -

начало подташнивать. А Лилька, заполучив свой завтрак, с победоносным видом удалилась восвояси. С того памятного дня весь этаж перед тем, как унести с кухни чайник с кипятком заглядывают во внутрь, с целью обнаружения посторонних предметов.

Варя поймала себя на том, что она смеется над этой историей.

Нужно возвращаться к жизни среди людей что бы не произошло. Жить нужно несмотря ни на что, так говорила всегда ее мама.

8

В течении последующей недели Варя неустанно думала над секретом третьего письма, найденного в шкатулке мамы. Девушка, даже, в один из дней выбралась в Центральную библиотеку города, но

безрезультатно. Убив весь день на листание различных словарей в зале иностранных языков, Варя не обнаружила ни единой зацепки. Но пришла к выводу, что следует заняться поисками истории семейства графини Орловой.

В «Лиане» Варвара появилась, когда истек месяц после смерти мамы. Отпуск, который ей предоставил Тотоша окончился, так же как и все ее денежные сбережения, заработанные нелегким трудом танцора «гоу–гоу». Девочки встретили ее без навязчивого внимания и сочувствия, к великому облегчению Вари. Она в ответ улыбалась, бросала дежурные фразы и входила в ритм ночного мира развлечений.

В примерке, которая являлась одновременно и костюмерной царили, как обычно, гвалт и суматоха, посреди которых маленьким крепеньким «грибком» стояла Белла Абрамовна.

– Девочки, поспокойней, пожалуйста, – вещала Белла

Абрамовна. – Алла, гораздо смешнее будет, если ты плохо застегнешь

костюм, и он свалится с тебя посреди танца. Наташа, что за слова, не

надо выражаться как грузчик в порту. Я понимаю, что ты торопишься, но чулки не обладаю теми свойствами, которые ты так красочно

описываешь.

– Да, Белла Абрамовна, вам говорить легко, – отозвалась

Наташка. – Вот сейчас придет Гера и будет выражаться, как грузчик

- 24 -

имея в виду нас всех.

Белла Абрамовна была здешней «мамашей» в хорошем смысле этого слова. Бывшая учительница русского языка и литературы, а также жена известного профессора иностранных языков, она в свое время преподавала в школе у Тотоши. После смерти мужа и наступления перестройки, интеллигентная женщина оказалась на мизерной пенсии, размер которой позволял только не умереть с голоду и головной боли.

И в это сложное время в жизни бывшей учительницы появился ее бывший ученик Геннадий Озимский. В то время Гена открыл элитный клуб «Лиана», но персонал, набранный им, не отличался правильностью речи и хорошими манерами. Уральское «че» одного из официантов, однажды чуть не повергло в обморок одну

рафинированную дамочку из Москвы, которая находилась в «русской провинции» с деловым визитом. К тому же танцовщицы варьете были девушками, причем, насчитывалось их около 30, что ввергало в панику, граничащую с ужасом коротышку Геру.

– Геннадий Александрович, – заламывал театральные руки Гера.

– Что хотите со мной делайте, но я не могу с этими девицами справиться, как только они начинают говорить больше одной, у меня мигрень

начинается. Они абсолютно неуправляемы. Мне необходим, просто, жизненно важен помощник, – а еще лучше помощница, желательно, в

возрасте, что бы она могла этих пиявок на место поставить. Она бы их хоть немного обуздала и приглядывала за ними. Нет, а вы, видели какой хаос царит в их костюмерной, а еще они ведь курят, все как одна базят в туалете. Это все ужасно, это кошмар и караул вместе взятые и помноженные на десять. Нет, у меня так пропадает всякий стимул для полета творческой мысли, я не в состоянии сосредоточиться на работе.

Геннадий под эту истеричную тираду своего хореографа вспомнил о существовании некой учительницы русского языка с железной хваткой и умением наводить казарменную дисциплину среди тринадцатилетних подростков. Он отыскал адрес своей бывшей учительницы и лично приехал к ней домой, изложить свои проблемы. Гена уговорил Беллу Абрамовну съездить в «Лиану», где ознакомил ее со всей «кухней». В свою очередь Белла Абрамовна оценила стремление Гены стать приличным ресторатором. Она решила, что ее

- 25 -

долг делать людей грамотней и лучше, да и сидеть дома было чертовски скучно.

Энергичная пожилая дама взялась за свои новые обязанности с серьезностью и размахом, которых от нее никто не ожидал. Под ее руководством были организованы курсы «Грамотной русской речи» для всего персонала «Лианы». Для официантов, барменов, гардеробщиков, охраны и швейцаров дополнительно были приглашены

специалисты иностранных языков из института, где когда-то работал муж Беллы Абрамовны.

– Геннадий Александрович, необходимо, чтобы название блюд не русского происхождения произносились верно на языке их родины.

– обосновывала присутствие полиглотов Белла Абрамовна. – И, потом, необходимо, чтобы официанты и бармены могли хотя бы пару слов

связать на английском, немецком и французском языках. Если ты, Геночка, хочешь иметь ресторацию высшего уровня, то продумана

должна быть каждая мелочь, а уж языковой уровень заведения – это наипервейший показатель.

С девицами Белла Абрамовна управилась тоже достаточно ловко, даже снискала их искреннюю любовь и уважение. Женщина ввела изменения в организацию костюмерной: были наняты две дамы, обладающие профессиональными навыками шитья,

которые

содержали костюмы, стоящие не малые деньги, в надлежащем виде. Эти женщины «подгоняли» костюмы по девочкам, выдавали их перед выступлениями и прибирали после. Одним словом, в каждый уголок заведения Белла Абрамовна внесла свои коррективы, которые придали «Лиане» лоск.

Когда стало известно о смерти Вариной мамы, Белла Абрамовна лично отправилась к Геннадию Александровичу с требованием предоставить девочке отпуск, чтобы та пришла в себя и смогла организовать похороны.

Свою рабочую смену Варвара «отпрыгала» как положено ко всеобщему удивлению и удовольствию напарниц. Под утро, когда посетители разъехались по домам, девочки, приняв душ, сидели за одним из столиков посреди ошетилившегося ножками кресел зала, и потягивали заслуженные «разгрузочные» 150 грамм мартины с

- 26 -

тоником. Обычай такой был установлен Тотошей, каждая из девушек после смены по желанию могла получить определенную, строго лимитированную, порцию спиртного. Количество уменьшалось пропорционально крепости напитка. Геннадий Александрович считал, что расслабится девочкам не помешает, лимит же на количество был

продиктован не жадностью хозяина, а нежеланием спаивать танцовщиц.

– Что делать думаешь, Баранчик? – обратилась к Варе Алла – обладательница гривы шикарных рыжих волос и в меру силиконового бюста.

– Не знаю пока, – отозвалась Варвара. – Но в 40 дней нужно вернуться и что-то решать с квартирой.

– Продай, – отозвалась Лена.

– Ага, и на эти деньги приобрети ванную комнату в коммунальной квартире на Уралмаше. – Съехидничала Алла. – Милые мой, вы о чем? Что ж вы сравниваете цены, на недвижимость в своих Задрищенских и в этом городе?

– Ну, может ей подкопить? – пожала плечами Леночка.

– И сколько десятилетий? – не унималась Алла.

– А самое лучшее найти тебе Варька спонсора, – вступила в разговор Нора, мечтательно закатывая свои бездонные глазища к темному потолку.

– Иван, между прочем, очень даже неплох, – заметила Алла.

– Ага, с милым рай и в шалаше, – покачала головой Нора.

Девочки невесело ухмыльнулись: положение провинциальных красоток знакомо было каждой из них, а уж квартирный вопрос был просто кровотокающей мозолью.

– Назад я, конечно, не вернусь – вздохнула Варвара. – Делать мне там абсолютно нечего.

– Это точно, – отхлебнув коктейль согласилась Леночка.

– Ой, девочки, – прерывая тяжелую не веселость воскликнула

Нора. – А помните Еву Семенову? Ну, ту, что за Леньку Толстого выскочила?

Ха, тоже вопрос. Кто же не знал этой истории. Вот уж где поистине сказка про Золушку, нашедшую Людоеда с пещерой

- 27 -

сокровищ. Ева работала в «Лиане» около года. Вела себя прилично, с посетителями не путалась. Вечерами добросовестно выплясывала кренделя на сцене, а утром неслась в свой институт грызть гранит иностранных языков. Ленька Толстый был каким-то воротилой не очень солнечного бизнеса из Сургута. Деньжищ имел уйму, успев хапнуть в легендарные 90–е. Дорогие костюмы и машины Ленька имел, а вот манерами не обзавелся. Ленчик частенько заезживал в Екатеринбург по делам и каждый свой приезд любил заглянуть в «Лиану», чтобы помусорить деньгами. Еву, с ее отменно отточенной фигуркой танцовщицы и личиком ангелочка, Толстый заприметил давно, вот только порядки в «Лиане» не позволяли осуществлять никаких поползновений в сторону девушки даже при наличии солидной мошны. Но однажды не справившись с нахлынувшими чувствами Ленчик «слетел с катушек». Явно перебрав спиртного, он с прытью снежного барса влетел на сцену и завалил Еву на спину на глазах у всего зала. Визг среди танцовщиц поднялся сродни сирены. Подоспевшая охрана еле отбила Еву у дебошира. В следующий момент Толстого с треском выставили в морозную ночь. По распоряжению Тоттоши на дальнейшие посещения данной личностью «Лианы» наложили строжайший запрет. Ева в тот злополучный вечер, с рыданиями обесчещенной девственницы, объясняла Белле Абрамовне, что она не виновата и данную «бандитскую рожу» впервые видит. Белла

Абрамовна на следующий день доложила Тоттоше, что девочка ни коим образом не спровоцировала посетителя и что инцидент стоит считать исчерпанным. Через месяц, когда данное происшествие действительно забылось напрочь, появился легендарный Ленчик с охапкой роз, конфетами, ананасом и извинениями. Был он трезв, бодр, весел и сиял

виноватой улыбкой, как ярмарочный самовар, поджидая Еву у дверей института, где она училась. Как Ленчик узнал место обучения Евы одному богу известно, но у девушки при виде Людоеда, как она про себя его окрестила чуть было не началась истерика. На протяжении недели Ева проходила мимо Ленчика, не устаивая его даже презрительного взгляда.

Ленчик свой пост не покидал – человек он был настырный и терпеливый, и продолжал каждый день являться под стены вуза с неизменным

джентльменским набором и идиотской улыбкой. Кончилось все тем, что Ленчик устроил вызов Евы с лекций в деканат. За определенную сумму

- 28 -

денежной наличности на нужды института и оплаченный обед в соседнем мексиканском ресторанчике все обитатели деканата в срочном порядке испарились, предоставив в распоряжение Ленчика приемную. Здесь он принес Еве свои извинения, стоя на коленях, признался в пламенной

страсти и предложил стать законной супругой, с правом распоряжаться своим объемным кошельком. Ева, к своему полному недоумению, хохотала до слез от этих неумелых, но искренних объяснений. Девушка приняла приглашение Ленчика поужинать в тот же вечер. Недаром говорят, что две противоположности притягиваются. Ленчик обожал Еву, подчиняясь ей во всем. Через полгода Ева ответила согласие на предложение руки и сердца. За это время девушка разглядела ранимую душу потерявшегося мальчишки, которого в детстве недолакали и недолюбили. Ева вдолбила в голову Ленчика мысль о необходимости образования и приобретения хороших манер. И только с Евой Ленчик из Ленчика Толстого превратился в Леонида. Сергеевича. Одним словом, эти люди нашли друг друга. Но посудите сами много ли таких историй известно миру?

9

Иван сдержал свое слово и договорился через знакомых, а вернее, через сына, который являлся завсегдатаем у барной стойки, о встрече с Юрием Иосифовичем Юршевским – крупным промышленником Уральского региона и известным коллекционером. Юрий Иосифович назначил встречу в своем офисе, куда Варя, в сопровождении Ивана, подъехала в назначенный день и час. Миновав две проходных, как это водится на промышленных предприятиях, и пройдя пристальный осмотр с применением металлоискателей дотошной охраны, молодые люди очутились в приемной, отделанной темным деревом перед ликом грозной секретарши средних лет, которая приятным бархатным голосом доложила своему шефу о прибытии гостей.

– Здравствуйте, присаживайтесь. Что будете пить? – не давая опомниться заговорил Юршевский как только Варвара и Иван очутились в директорском кабинете, оснащенный длинным дубовым

- 29 -

столом для совещаний и огромным плазменным экраном на стене, очевидно для ведения переговоров на расстоянии. – Ну, давайте сразу

к делу, а то сами понимаете – дела.

Варя на ходу вынула из сумочки маленькую картонную коробочку в которой лежали монеты и протянула Юршевскому:

– Я бы хотела знать, имеет ли это какую-нибудь ценность?

– Смотря какую ценность, вы имеете ввиду, – улыбнулся промышленник, внимательно разглядывая одну из монет.

Пока Юршевский шевелил бровями и, вставив какую-то штучку в глаз рассматривал содержимое коробочки, в кабинет впрорхнула девушка, катя перед собой зеркальную тележку, уставленную напитками.

– Я вижу, друзья мои, что вы впервые сталкиваетесь с подобными вещами. – закончив осмотр произнес Юршевский. – Тогда позвольте сказать вам по этому поводу следующее. – Он поднялся и

отошел к окну чуть слышно шелестя переливчатой тканью дорого костюма, идеально сидевшего на его крепкой фигуре. – Данные монеты являются испанскими галеонами, но здесь существует одно но. Испанский двор отчеканил эти монеты в количестве 100000 и отправил их в Новый Свет на одном из судов. К несчастью для Испании судно это затонуло. Сей клад был поднят на поверхность только в конце 19 века. Галеоны разошлись по коллекциям за баснословные деньги. В России на данный момент ни один коллекционер не может похвастаться тем, что владеет этим раритетом. И хочется задать вопрос: откуда у вас сее? Видя растерянность на лицах молодых людей Юршевский улыбнулся:

– Нет, я сейчас не пытаюсь вас обвинить в надувательстве, поскольку вижу, что монеты подлинные, и не пытаюсь сказать, что вы

их украли, но откройте любопытному старику тайну.

– Я обнаружила их среди вещей моей мамы после её смерти, – заговорила Варя. – Большого, к сожалению, я не знаю.

– Хорошо, – потирая руки вздохнул Юршевский. – Сколько вы хотите?

– Я не знаю их ценности, – честно созналась Варя.

- 30 -

Юрий Иосифович начал расхаживать по кабинету, заложив руки за спину.

– Я хочу обладать всеми пятью монетами, – после пятиминутного молчания произнес он. – Я дам вам за них 100 тысяч, больше не предложит ни кто, деньги могу выписать именованным чеком прямо сейчас, сейчас же можно оформить договор, с нотариусом договоримся он подъедет через 30 минут.

– Хорошо, Юрий Иосифович, я вам верю, – прерывая тираду согласилась Варя. – 100000 рублей — это реальные деньги для студентки.

Юршевский по-мальчишески звонко захохотал, откинув породистую голову с седым ежиком волос:

– Милочка, вы обижаете меня, ей богу, – сквозь слезу произнес он. – Ну, зачем выставляете меня грабителем студенток. Вы не так поняли меня, я предлагаю эту сумму в долларах.

Наступила звенящая тишина, нарушаемая жужжанием кондиционера. Варя была не алчной натурой, но от такой суммы во рту пересохло, язык отнялся, и рука потянулась в сторону на поиски жидкости. Иван, обалдевший от услышанного не меньше, чем Варвара, протянул девушке стакан с минеральной водой.

– Вызывайте вашего нотариуса, – еле слышно проговорила Варвара после того как залпом осушила стакан с водой.

– Как вам будет угодно, сударыня, – Юршевский, сияя от удачного приобретения, расчеркнул замысловатую подпись в чековой книжке золотым «Паркером»

На 40 дней Варвара съездила в «родные пенаты» и договорилась о продаже маминой квартиры в рассрочку с соседом. У него подрастали

младшие дети, старший сын вот-вот должен был жениться. На деньги, полученные за испанские галеоны Варвара намеривалась приобрести квартиру, машину и задуматься о дальнейшей жизни. Квартиру она отыскала в центре, в доме старого типа, где раньше проживала партийная верхушка, в начале 90-х сюда начали заселяться «новые русские». Поэтому на сегодняшний день население сталинской высотки представляло собой колоритный коктейль, состоящий из доживающей свой век «партийной элиты» и нуворишей на блестящих

- 31 -

«тайотах».

– На кой черт тебе это старье с окнами на проспект? – отговаривал Варвару Иван.

– Я давно хотела жить в таком доме и именно окнами на проспект, – упиралась Варвара, расхаживая, по огромной гостиной с пожелтевшими обоями. – Не переживай, поставим шумоизоляционные пластиковые окна и кондишен.

Варвара была околдована трехкомнатной квартирой на восьмом этаже, площадью более 100 квадратных метров. Дом, по ее мнению, дышал какой-то старинной роскошью, не в пример нынешним новостройкам.

– Тут я себя чувствую как во дворце, – заявила Варя. – Дух тут особый.

– Ага, – не унимался Иван. – От старой канализации тут дух. Хотя дело хозяйское, поступай как ты хочешь.

И она сделала то, что хотела. Варя купила эту квартиру, решив, что старый мамин патефон будет отменно звучать в этих стенах. Во

время ремонта Варя продолжала жить с Иваном. Она сдала на права, лишив себя последних часов отдыха. Вождение давалось довольно

легко, гораздо сложнее в свое время ей было научиться езде на велосипеде. Она потратила все деньги, полученные от Юршевского.

Львиная доля ушла на покупку квартиры, немало поглотил ремонт и обстановка, остатки потратились на приобретение новой «девяточки». После всей этой «укомплектовки» на банковском счету Вари осталось 12,5\$ которых хватило на бутылку «Мартини».

Новоселье отмечали шумно и весело с девчонками из «Лианы» и однокурсниками. Проблема была лишь одна – Иван на отрез отказался переезжать в новую квартиру Варвары.

– Я не желаю быть альфонсом – говорил он.

– Иван, – Варя мурлыкала большой кошкой. – Ты говоришь полную ерунду. Я осталась с нулевым банковским счетом, и я как плясала, так и буду плясать и дальше. И потом, как мы будем встречаться? Ты что, намерен приезжать ко мне на свидания? Мы и так почти не видимся из-за учебы и работы. И потом ты как мужчина будешь меня кормить, а я свои деньги буду тратить на шмотки.

- 32 -

– Ты ешь как птичка, поэтому я не считаю это равноценной

делкой, – упирался Иван.

– Слушай, милый, – Варя начинала злиться. – Значит нищая и бездомная я тебе была нужна, так я не наносила ущерба твоему самолюбию. Тебе бы порадоваться за нас, что сейчас мы сможем жить нормально, а не обтирать чужие углы. Знаешь, если бы тебе так «прокатило» я бы радовалась за тебя, я бы с радостью приехала жить в нормальную квартиру с любимым человеком. Мне можно, я женщина, а тебе не положено. Это все наше, Ванечка, какая разница на чье имя чек был выписан.

На все эти увещевания Иван лишь хмурился.

Порознь они прожили месяц. Варя почти перестала видеть Ивана, который упорно избегал ее. Девушка совсем уже отчаялась от такой холодности. Она любила Ивана и как оказалось очень сильно, настолько сильно, что еще немного и она впала бы в депрессию.

Он появился на ее пороге с сумками в одно воскресное утро.

– Прости, я был глупцом, – прошептал он, уткнувшись в ее шею поцелуем.

– Пойдем пить кофе, – Варя сглотнула комок, предательски подкативший к горлу.

Никаких объяснений между ними больше не было. Зачем? Все было ясно без слов. На душе воцарилось спокойствие и тепло. Ведь так замечательно помолчать в тишине за чашечкой чая.

О своей работе, вернее о том, чтобы подыскать другую Варя перестала задумываться. Учеба днем и работа вечером – идеальный вариант для учащегося дневного факультета. Нагрузки для мозгов хватало с лихвой в университете, а то каким сделал ее тело коротышка Гера казалось чудом. Варя и до работы в «Лиане» была вполне довольна своей фигурой, но сейчас... Мышцы стали не только стальными, но и эластичными. Появилась какая-то лошадиная выносливость. Конечно, по началу было жутко тяжело, дошло даже до того, что прекратились месячные. Тогда Варвара с огромными глазами прибежала в клинику ко врачу, думая, что забеременела. Но врач объяснила, улыбаясь, что это у нее гормональный сдвиг, возникший на фоне больших физических нагрузок. И, что на какое-то время темп тренировок

- 33 -

необходимо сбавить. На следующий день Варвара, мямля и заливаясь краской от смущения, объясняла свою проблему Гере.

– Чего молчала? – нахмурил брови Гера. – Тебе ведь еще детей рожать, почему не пошла сразу ко врачу, почему мне не сказала ничего? Девочка, с этим не шутят. На сегодня свободна, завтра будем заниматься по щадящей программе. И вот еще что, поешь усиленно постного мяса, орехов и кефирчика с творожком. И проблемами подобного рода, попрошу впредь, делится со мной без замедлений и стеснений. Вам все ясно, мадмуазель?

– Не думала, что ты так серьезно относишься к деторождению

– отойдя на безопасное расстояние, произнесла Варя.

– Она еще и издевается, – затопал ногами Гера. – А, ну, марш

домой.

Он их очень любил – своих девочек. Они были для него, как цветы для садовника. А девочки, в свою очередь, считали Геру если не братом, то другом, с которым можно поделится всеми интимными проблемами, называя части тела и явления своими именами. Не могла Варя уйти из этого коллектива, где жили как одна семья. И она решила, что пока не надоест, она будет работать в «Лиане». Как только исчерпает себя на этом поприще, то найдет другую работу.

Все три странных письма, найденных в вещах мамы, Варвара уложила в томик любимых маминых стихов поэтов Серебряного века и поставила на полку в своей спальне рядом со статуэткой черной кошки. Миниатюра с изображением загадочной незнакомки увенчала шею кошки. – Буду считать, что это портрет моей мамы, – задумчиво глядя на покачивающийся овалчик прошептала Варя.

10

Дед Ивана приехал в воскресенье днем. Варя с утра, прибежав из супермаркета с сумками, принялась печь кулебяку с капустой, наваривать борщ и лепить пельмени. Вернее, пельмени лепил под ее четким руководством Иван.

– Варя, ну зачем старого человека пичкать тяжелой пищей? –

- 34 -

нудел Ванька, неловко защипывая комочки фарша в тесто. – И, вообще, не проще ли было купить готовых пельменей в магазине?

– Темнота, – парировала Варя. – твоему деду захочется с дороги поест по человечески «вредной» пищи, а насчет магазинных пельменей, ты сам знаешь из чего они. И, по-моему, тебе просто в облом возится.

Когда Ванька, встретив деда, появился на пороге, Варя растерялась. Она ожидала увидеть девяностолетнего старичка с трясущимися конечностями, но вместо этого перед ней предстал седовласый широкоплечий богатырь, ростом чуть пониже Ивана. Сняв шапку и пальто с широкими лацканами, под которым оказался добротный старомодный костюм с кучей планочек, обозначающих награды, старик откашлялся и, поправив волосы при помощи частой черной расчесочки, вынутой из нагрудного кармана, представился:

– Петр Иванович Грачук.

– Очень приятно, – улыбнулась Варя, а в душе что-то холодно шевельнулось. — С дорожки можно и к столу.

– Что ж, можно и к столу, – согласился Петр Иванович.

Втроем они уселись за стол. Варя разливала дымящийся борщ, нарезала сало, а тем временем на столе появилась бутылка «Смирнов», извлеченная на свет из коричневого в белую клетку чемодана Петра

Ивановича.

– А ваш внук вчера меня убеждал, что вам вредна тяжелая

пища, – улыбнулась Варя, увидев водку.

– Мой внук ничего не понимает в здоровом питании, – крикнул Петр Иванович. – А легкой пищи я в войну и после нее наелся. Они выпили по рюмочке за встречу. Варя с каждой минутой все больше и больше нравился дед Ивана, человек, проживший долгую и нелегкую жизнь, прошедший войну и не потерявший жизненные силы. «Здорово это, наверное, вот так дожить до такого возраста в твердой памяти» – невольно подумалось Варваре.

– Готовите, милая, вы знатно, – похвалил Петр Иванович Варю после обеда. – И борщ, знаете ли, как у моей жены покойницы. Вечером, когда Иван ушел на работу, за чашечкой чая с кулебякой Петра Ивановича потянуло на воспоминания. Иван ничего и

- 35 -

никогда не рассказывал о своей семье Варя, а тут представился случай узнать много интересного, ведь, старого человека, пусть и бывшего закаленного вояку, легко спровоцировать на воспоминания. Старики любят вспоминать прошлое, так они снова становятся молодыми, влюбляются, видят своих взрослых ныне детей малютками.

Со своей женой Надюшей Петр Иванович познакомился, когда лежал в госпитале после ранения во время войны. Женщина она была уже не молодая, не отличалась красотой, но молодого в те времена солдата, покорила ее доброта и сердечность. Надя часами могла, в свои выходные, просиживать у постели умирающего, держа его руку в своей и говоря нужные слова тихим, умиротворяющим голосом. Она писала километры писем по просьбе раненых и порой неделями не отлучалась из госпиталя, спала где придется и сколько получится. Выписавшись, Петр Иванович решил и написал письмо ангелу милосердия, так Надю называли в госпитале все без исключения, в котором признался ей в любви и попросил стать его женой. После войны Петр Иванович вернулся в тот городок, где размещался госпиталь и разыскал Надю, которая по счастливой случайности не покинула город. По началу Надя отчаянно сопротивлялась ухаживаниям молодого человека, но после сдалась и вышла за него замуж. Они расписались, и Петр увез свою молодую жену на Урал, где в послевоенное время начинали разворачиваться во всю мощь эвакуированные во время войны промышленные предприятия. Вспоминал Петр Иванович, как весело и дружно они жили в земляных бараках, как женщины, работавшие в заводоуправлении, добирались до работы осенью в галошах, а летом и вовсе босые, по развороченной непроходимой грязи, потом, у крыльца, в луже мыли ноги и надевали единственные на много лет туфли. Были они тогда все как один худощавые телом, но сильные душой и светлые мыслями. Все как один верили они в партию и светлое будущее – люди, выдержавшие самую страшную войну за всю историю человечества. Вспоминал Петр Иванович ту радость, с которой заезжали семьи в новые бараки, выстроенные при заводе, с неслыханной по тем временам роскошью – центральным отоплением. Как отмечали всей улицей новоселье. Тот

новый барак представлял собой длиннющий коридор со множеством

- 36 -

комнат по обе стороны. Какие там справлялись свадьбы! – шумные и веселые. И пусть роскошью тогда считался даже винегрет, но ведь не много человеку надо для счастья.

Потом у Петра и Наденьки родилась дочь Катя – мать Ивана.

Когда Катеньке исполнилось 15 лет и она пошла учиться в медицинское училище (хотя Надя была категорически против), мать ее ушла из дома в один из дней и больше не вернулась. Искали ее долго, почти по всей стране, но так и не нашли. Петр Иванович до сих пор любит свою жену, с которой так счастливо жил 16 лет. Второй раз он так и не женился, хотя невест вокруг видного мужчины крутилось в избытке. Катенька, закончив училище, устроилась работать в местную больницу, где

познакомилась со своим будущим мужем – молодым врачом-хирургом.

Через 4 года появился на свет Иван. Но счастье Катерины было недолгим. Ее муж погиб в автокатастрофе, причем произошло это на ее глазах. После этого несчастья Катю начали преследовать кошмары, она стала болеть, уволилась с работы и началась череда бесконечных лечений в психиатрических клиниках. Катя проводила там по 10 месяцев в год. Остальное время, когда она приходила домой это было тихое безмолвное существо. Так Петр Иванович остался вдвоем с внуком Иваном, которому сумел заменить мать, отца и бабушку. Варвара долго не могла уснуть в ту ночь, все ворочалась с боку на бок. Иван никогда ничего ей не рассказывал о своей семье, а оказалось все так трагично.

Внезапно посреди ночи Варю пронзило словно током.

ГРАЧУК. ПЕТР ГРАЧУК.

Она, путаясь в одеяле, соскочила с кровати, включила свет и выхватила с полки томик собрания стихов поэтов Серебряного века. Она отыскала дрожащей рукой фронтовой треугольник – письмо с фронта от Петра Грачука, с трудом веря в случайное совпадение. Ваньку Варвара караулила как собачонка босая и беспокойно юлившая под дверью. Когда за дверью послышалось долгожданное бряканье ключей Варя кинулась к порогу с ходу протягивая Ивану пожелтевший треугольник письма.

– Читай!

– Что это? Дай хоть разуться, – обалдело глядя на подругу

- 37 -

произнес Ванька. – Ты чего не спишь? Бешенством приболела – так на людей кидаешься с порога.

– Ничем я не приболела. – не отставала Варя. – Читай, или ты в ботинках этого делать не умеешь?

Ванька, поняв, что просто так избавиться от Вари не выйдет, принялся читать подсунутый под его нос треугольничек письма.

– Ну, письмо с фронта, – пробежав глазами несколько строк, изрек он. – Где ты его нарыла?

– Да ты подпись читай, дурень, – теряя терпение зашипела Варя.

– Слушай, поди накапай себе стакан валерьянки.

Но тут лицо Ивана начало приобретать вытянутую форму от удивления.

– Откуда у тебя это?

– Вот именно, – издала победный клич Варя, увидев, что Ванька наткнулся глазами на подпись. – Я нашла это среди вещей мамы. Я тебе не рассказала тогда, да, впрочем, и говорить то было особо нечего. Понимаешь, в день похорон маминых я ее вещи вечером разгребала, нашла шкатулку запертую, а в ней три письма очень странных. Это одно из них. Станным мне показалось и то, что мама эту шкатулку на ключ запирала, хотя у нас дома секретов не было. А тут я даже ключ не смогла отыскать – пришлось вскрывать шкатулку ножом.

– А еще какие были письма? – озабоченно теребя фронтовой треугольник спросил Иван.

Варя быстро принесла два других письма.

Иван с неподдельным изумлением изучил письмо, подписанное князем Темерязевым.

– Это что за суахили? – удивился он, раскрыв последнее послание.

– Сама не знаю, – вздохнула Варя. – но знаешь, что самое странное? Почему такие даты невероятные? У меня складывается впечатление, что эти письма получали ни одно поколение женщин, причем, женщин очень схожих между собой. А еще вот, – Варя протянула Ивану миниатюру, предусмотрительно захваченную с шеи

- 38 -

черной кошки во время беготни за письмами. – Это копия моя мать.

– Но...

– Вот и я ничего не пойму.

– Знаешь, сейчас дед проснется мы с ним побеседуем. – принял решение Иван после некоторых раздумий. – А сейчас мне бы пожрать и поспать часок перед учебой.

Поспать Ивану не удалось. Парень допивал чал, когда в кухню с пожеланием доброго утра вошел Петр Иванович.

– Петр Иванович, у нас к вам разговор, – выпалила Варя, наливая старику чай.

– Что за разговор?

– Дед, взгляни на это, – протянул письмо Иван.

– Что тут? Не видать без очков.

– Вот очки, – Варвара уже сбегала в гостиную за очками.

Старик, водрузив на нос очки, прочитал письмо, и замер.

– Э-э, дед, ты чего? – Ваня озабочено потряс старика за плечо.

Тот медленно, выходя из ступора, перевел взгляд на Варю:

– Это ваше?

– Откуда это у вас? – поинтересовался Петр Иванович, получив от девушки утвердительный ответ.

– Я нашла это в вещах своей мамы. Должна вам сразу сказать, что понятия не имею об этом письме.

– У вас есть фото вашей матери? – старик ссутулил плечи и говорил очень тихо.

– Да, вот, – и Варя протянула Петру Ивановичу миниатюру, снятую с шеи черной кошки.

– Боже, это она, – голос старика дрогнул при взгляде на лицо изображенной женщины.

– Что ты хочешь сказать? – обеспокоился Иван, обеспокоенный тем, что его дед, старый партиец, упомянул имя Господа.

– Выпейте, – Варя протянула предусмотрительно накапанный карвалол.

Петр Иванович залпом осушил стакан и закрыв лицо морщинистыми ладонями замер. Потом, не отрывая рук от лица, он начал говорить. Варя и Иван прислушивались к дрожащему глухому

- 39 -

голосу, стараясь не пропустить ничего дабы разгадать тайну загадочных писем.

Наденька страдала некоторыми странностями, за которые в средние века ее могли сжечь не костре святой Инквизиции, а при советской власти всего лишь высмеять. «Понимала» она язык животных. По каким-то странным, ведомым только ей, приметам могла предсказать погоду, причем довольно точно. События, которые должны были произойти в ближайшем будущем с кем-то из соседей, Надя так же могла предвидеть. Ее стали избегать после того, как она

предрекла смерть соседскому мальчишке. Надя хотела предупредить родителей, у которых был шанс предотвратить смерть сына, но истолковали окружающие ее предупреждение как пресловутое «карканье». Часто в разговорах Надя рассказывала домашним о делах минувших дней. Рассказывала, как жили до революции, в какие кафе было модно ходить, что можно было купить в модных лавках Москвы. При этом всегда Надюша говорила, что все это рассказывала ее бабка. Все это сейчас вспоминалось как события странные. Потом Надя пропала, ушла и не вернулась, произошло это после того, как на ее руках умерла бабулька из двора. Старушка была древняя, еле – еле ноги передвигала и однажды спускаясь по лестнице сердце прихватило. По случайности Надя шла следом за бабулькой. В тот вечер Надя не разговаривала ни с кем, заперлась в ванной и лила там воду, а на утро ушла.

– Все равно ерунда получается. – тихо произнесла Варя. – Моя мама молодой была...Ну, в сравнении с вами, Петр Иванович. Ей 56 лет было, когда она умерла. Не могли вы с ней в войну познакомиться.

– Значит это твоя бабка была. – изрек Иван. – Хотя у меня от всей этой истории башка кругом идет.

– Значит ты мне, Иван, родственник, причем не очень и дальний. – пришла к неутешительному выводу Варвара.

Дед Ивана после того разговора как-то поник и целыми днями

стал пропадать на обследованиях, а после и вовсе лег в клинику на лечение. К разговору о родственных связях Варя и Иван больше не возвращались. Злополучные письма вернулись на свое прежнее место – в книгу со стихами поэтов Серебряного века.

- 40 -

Часть 2. Наденька.

1

По просеке, вдоль заснеженных, угрюмых елей, мохноногая лошадка из последних сил тащила сани. Дорога знакомая и сбиться лошадка с нее не могла. Наверное, поэтому старый дедушка Трофим беспечно задремал, уткнувшись носом в резко пахнущий ворот тулупа. Метель мела, мороз трещал под копытами, ветер завывал в унисон с волками. Ночь, спустившаяся на землю, убаюкивала вся и все, кроме лютой стужи и метели. Лошадка прижимала уши и дико вращала испуганными маслинами глаз, но ноги ее шли как бы сами собой, несмотря даже на ледяной душу вой волков. Шаг, шаг – вперед, домой, в тихое, уютное стоило, а если конюх Васька сегодня пьян, то

ночевать он будет в конюшне и накроет бедное лошадкино туловище попонкой и будет тогда совсем хорошо, и уютно, и не страшно.

Шаг, шаг... вой ветра. Шаг, шаг... вой волков.

Из-под тяжелых юбок елей сани провожал голодным взглядом вожак. Он учуял людской и конский дух давно, еще у ближайшей усадьбы, откуда и ехали сани. Год нынче выдался голодный и холодный.

Стая постоянно кочевала в поисках еды. Вожак был силен, что называется в расцвете сил, но и он уже чуял холодную, когтистую лапу хищника – голода. Вожак мог схватиться в бою с каким угодно зверем, но от этой злобной твари скулил в душе как щенок. Люди – это опасно.

Зверь знал это. Две недели назад волки напали на коровник. Потом была облава, из которой смогла уцелеть лишь четверть стаи. Волки хитры, умны, но человек – существо в десятки раз опасней. С людьми лучше не

связываться. Но голод страшный зверь, и вожак слушал свой внутренний голос. Вожак ждал кто победит, осторожность или голод. Стая кралась во тьме леса за санями, ни на минуту не отводя хищных горящих глаз.

Вдруг на белом полотне дороге зачернел сверток, но люди не замечали потери поклажи, и мохноногая лошадка беспрепятственно продолжала свой путь. Люди в санях спали, убаюканные метелью.

Внезапно в нос вожака ударил запах, нет, скорее он почувствовал

- 41 -

шкурой: здесь, по эту сторону деревьев, совсем рядом кто -то был. Но это был не дух зверя, и не похоже это было на дух человеческий.

Мимо вожака, хрипя, размахивая руками и проваливаясь в глубокие сугробы, пробивалась к просеке человеческая фигура. Но человеком она не пахла, вожака трудно было обмануть внешней

оболочкой. Вожак дал сигнал к отступлению – он не может рисковать своей стаей.

Фигура, тем временем, не сбавляя темпа и не замечая ничего вокруг, выбралась, наконец, к дороге, по которой потихоньку уезжали вдаль сани, запряженные мохноногой уставшей лошадкой с черными маслинами глаз. Поняв, что догнать сани, нет никакой надежды, она, (это было все же человеческое создание женского пола) поозиравшись, принялась разгребать от снега припорошенный черный сверток.

Подняв находку на руки, женщина подняла глаза с мольбою к темному небу. На руках ее лежало новорожденное дитя.

Небо ответило молчанием.

2

– Ох, неуж приехали, – дедушка Трофим, кряхтя и матюкаясь, выбрался из саней, стряхивая снежные сугробы с плеч и шапки. – Фроська, мать твою раскудрить, где ты там, небось опять дрыхнешь, – принялся

покрикивать дед в сторону светящихся окон кухни. – а, ну, тащи фонарь, барыне нездоровится, еле доехали, чуть не замело. Тудыть его...

Под эту тираду из дома с оханьем и аханьем начали выскакивать дворовые слуги, хлопая дверьми. Барыню, укутанную в тулупы, двое крепких парней понесли в дом. Дед Трофим отправился на кухню отогреться самогончиком у печки. Лошадку пьяненький конюх Васька повел распрягать на конюшню.

– Чаво случилось то? – на жаркой кухне полногрудая кухарка

Матрена налетела на дедушку Трофима. – Ты чаво, старый дурень, барыню удумал по начам возить, а то волки, а то метель. Вот не приведи

господь, узнает граф Михаил Владимирович, что ты тута утворил без него, ох, и осерчает.

– Ну, чаво, ты, Матренка, гундишь? – отмахнулся дед Трофим. –

- 42 -

Дура ты баба, дура и есть. Неуж ты думаешь, что я сам в такую пуржину.

Родила наша барыня, то и приказано было срочно ихней маменькой домой возвращаться. Я ж супротив них чаво могу? Барыня вся в горячке и то знай причитает. Давай, говорит, Трофим возвращаться, а то не дай Бог узнает граф, что я из поместья отлучалась, и из-за этого ребетенка раньше родила – высекет.

– Ох, – Матрена по-бабьи закрыла рот рукой и осела пышным

задом на лавку. – Да, как же так, батюшки святы, родила, ей ведь, почитай еще месяца два... без малого месяца два.

– Вот так оно вышло, – крякнул дед, закусывая чесноком изрядный стакашек первочка.

– Господи, – Матрена начала истово крестится на образа в углу кухни. – Господи, спаси и сохрани...

– Ты, баба, успеешь потом домолиться – бежала бы к барыне, поди надо чаго. – прервал ее дед Трофим.

Матрена, причитая и охая, помчалась в хозяйский дом, прихватив

фонарь.

В комнате у графини Анны Федоровны Орловой сутились две молоденькие горничные. Сама графиня лежала, закрыв ввалившиеся глаза, на кровати и тяжело со свистом дышала.

– Барыня, матушка, – всплеснула руками Матрена. – да как же так вышло то?

Графиня приоткрыла глаза:

– Как ребенок?

Матрена подскочила, как ужаленная – и впрямь, а как дитя и где новорожденный?

– Хорошо все, барыня, не извольте беспокоиться, – затараторила Матрена. – За кормилицей уже послали, вот – вот явится. Не извольте беспокоиться, барыня.

Но в голове у Матрены, несмотря на бравладу в голосе, зашевелилась гадкая, холодящая кишки, мысль: не видала она в саях

ребеночка, а дед Трофим говорит, что привез барыню с младенцем.

Матрена вылетела из комнаты и как была – налегке, бросилась во двор.

Вся дворня стояла на ногах уже через четверть часа. С Фонарями осматривали все кругом. В первую очередь растолкали конюха Ваську,

- 43 -

который под уздцы уводил в стойло лошадку, запряженную в санки. Переворошили сани, перевернули вверх дном двор, заглянули во все комнаты и чуланы усадьбы. Дитя – наследник графа Орлова бесследно пропал. Матрена, влетев на кухню, принялась обхаживать полотенцем захмелевшего от самагаона и тепла дедушку Трофима:

– Ах, ты, ирод, не уберег, не довед ребеньчишку. Говори, турка ты не завоеванная, по кудава ехали, где проморгал дитя барское?

Старик хлопал осоловевшими глазами:

– Дык, я ж чаво... я ж спереду ... а барыня с заду с дитем... как я то...в усадьбе всех усаживал...барыня на руках изволили держать...я ж в основном за лошадкой да за дорогой... мне оглядываться не досуг...

Матрена бросила трепать деда.

– Чаво делать то? – запречетала баба. – Завтра барин приедет, а тут такое горе. Барыня в горячке родильной. Ой, чаво буде то...

Снова вскочив, Матрена выскочила с кухни во двор, впустив через дверь вой метели. Баба бежала через двор к избам и уже точно знала, что нужно предпринять. Через четверть часа было отправлено с десяток мужиков, которые прихватили дедушку Трофима в качестве проводника, искать обро- ненного ребенка. Своих троих старших детей: Саньку, Егорку и Ваньку Матрена тайком отправила на опушку, что была неподалеку в лесу, за старой Катькой. Бабка Екатерина помнила Наполеона и слыла колдуньей. Но Матрена, как баба умная, понимала, что старуха знает толк в травах и молитвах, а потому ничуть не хуже хлыща доктора соседского, который кроме как деньги драть ничего боле не умеет.

– Егорка, и ты, Ванька, возьмите фонарей и ружо, в лесу кричите,

– наказывала Матрена. А ты, Санька, скажешь старухе...– Матрена быстро зашептала на ухо смышленной Саньке, что следует передать. – и

чтоб быстро у меня, ясно. Ну, с Богом.

Женщина перекрестила детей и захлопнув дверь за собой побежала обратно в барскую усадьбу.

– Бог милует – все обойдется, – бормотала Матрена, торопясь к больной графине.

Знахарка пришла через час. Она приблизила свои подслеповатые глаза к лицу графини, провела по вспотевшему лбу скрюченным пальцем, облизнула палец. Потом, достав из складок своей одежды

- 44 -

увесистую луковицу золотых часов, (Матрена всегда удивлялась откуда у старухи дорогуций механизм, отделанный драгоценностями) принялась внимательно измерять пульс больной. После, откинув одеяло, Екатерина ощупала живот графини через пропитавшуюся потом

сорочку. Барыня громко вскрикнула и потеряла сознание.

– Мне огня поболее и воды горячее, – прокаркала старуха – После родов послед не весь вышел, горячка и воспаление потому приключились.

Старуха скинула верхние одежды и осталась в исподней рубаше, обнажившей ее пергаментную кожу, обтянувшую выпирающие кости и

обвислую грудь. Знахарка принялась отвязывать от пояса юбки мешочки со снадобьями и травами. Она раскладывала их в определенной, понятной только ей самой, последовательности. Матрена тем временем

выставила горничных вон, чтобы те не пугались, а после и языками не чесали. Все поручения старухи Матрена выполняла сама. Старуху знахарку боялись многие в округе, однако вылечивала Екатерина быстро и почти всегда. Да и язык за зубами старуха держала, а тут такое дело... Соседский доктор в момент бы все разнес.

Матрена молилась в дальнем углу комнаты. Знахарка перемешивала травы, бормоча себе что-то под нос, чем-то отпаивала и натирала графиню, что-то жгла, заполняя душный воздух комнаты резкими запахами. То ли от переживании бессонной ночи, то ли от запахов трав, но Матрена задремала. Очнулась она только под утро. Старуха сидела на полу и что – то бормотала, раскачиваясь в такт монотонным звукам. Барыня перестала стонать и, кажется, задремала. Матрена, бесшумно выскользнув из комнаты, поспешила во двор – узнать, вернулись ли с поисков мужики.

Матрена в поместье являлась негласным управляющим. Она отвала распоряжения, умела организовать слуг. Была очень тактичной и в панику никогда не впадала. Помнила обо всем, даже события полугодичной давности не исчезали из ее головы бесследно: кому какие поручения давала и что с кого справила. Одним словом, была она бабой толковой, умея жить не высываясь, и в «грудь себя ногой не била». Она подобно тени скользила по поместью, и казалось, что делается все само собой. При всей своей вездесущности Матрена умудрялась

- 45 -

поддерживать идеальный порядок на кухне, и могла накормить в любое время дня и ночи хоть роту солдат.

Вот и сейчас, идя во двор и чуя дурное, Матрена усиленно думала, как не допустить грозы в поместье.

Граф Орлов был старым бывалым офицером. Первая жена его померла при родах. Долго тогда суровый граф ходил мрачнее грозовой тучи. Потом, под старость призадумался снова о наследнике, а может и княгиня Зубова Мария Иннокентьевна – мать нынешней хозяйки, свои усилия приложила, да и навязала свою, засидевшуюся в девках дочь – Анну Федоровну. Нынешняя барыня была красива и ладна, да, вот только, вернулась несколько лет назад из столицы с позором. Были там какие-то компрометирующие ее истории, после которых какой-то князь публично отказался на ней жениться.

Так что, можно считать, что Анна Федоровна вытянула счастливый билет, став графиней Орловой. Граф был хоть и суров, но всегда сдержан и справедлив.

Сама Матрена не помнила, но старики сказывали, что еще при батюшке графа всем крепостным были отписаны вольные. Правда, после получения документа ни один из поместья не уехал – к чему покидать доброго хозяина и обжитые места. После освобождения крестьян богатеть начал старый граф Орлов сказочно – работал на «своей» земле вольнонаемный мужик прилежнее и охотней, каждое зернышко, каждая капелька молока береглась пуще ока. Даже в самый неурожайные года аренда графу платилась сполна. Нынешний граф пошел, видать, в отца и к слугам относился по-людски. Голоса, этот высокий, статный человек с римским профилем и гривой седых слегка вьющихся волос, на дворню никогда не повышал.

Анна Федоровна была женщиной неплохой, ум и обходительность были вдолблены в нее с детства строгой мамашей, но чувствовалась в ней холодность по отношению к графу Орлову. Да и тот, особых душевных порывов не проявлял в отношении своей супруги.

Жили они оба под одной крышей, да, вот, существовали в разных мирах.

Накануне пришло графине Анне Федоровне письмо от матери.

Что уж там такого понаписано было не знал никто, да, только, Анна Федоровна сорвалась, как укушенная и велела сани закладывать.

- 46 -

Приспичило ей срочно ехать к маменьке.

Уж пыталась ее Матрена остановить, мол, куда вы, барыня, ехать надумали в положении, да, в такой мороз. Но та ни в какую – еду и все тут.

Ухала барыня, а следом известие – граф Орлов из Петербурга возвращается.

Матрена отправила человека с письмом к барыне, так мол и так: возвращайтесь от греха подальше. И вот, на тебе, та возвернулась, сама

чуть не скончалась и ребенка не доносила. Да и не известно, что приключилось с дитем.

– Ох, батюшка, Михаил Владимирович, что ж будет то. – охала Матрена.

Выйдя во двор Матрена поняла, что мужички еще не
возвернулись. Через несколько часов должен был вернуться граф Орлов
Михаил Владимирович.

Сумерки начали сереть, но метель не утихала.

«Помоги нам, Боже,» – перекрестилась Матрена на суровое
низкое небо.

Неустанно вознося молитвы Матрена отправилась на кухню, где, разбудив Фроську и
велел ей растапливать печь, принялась заводить
блины.

Внезапно со двора донесся истошный лай собак. Лаяли псы с
надрывом на чужого.

– Это еще кто на нашу голову? – проворчала Матрена.

Она накинула на плечи тулуп и вышла во двор поглядеть. Собаки
заходились лаем, задыхаясь на натянутых до предела цепях. Шерсть на
загривках стояла дыбом, но в лае их проскальзывали нотки страха. Так
напугала их маленькая темная фигура, что стояла у ограды.

– Кто ж это может быть? В такую-то негодю? – ворчала Матрена.

– Ты кто? – перекрикивая метель и щуря глаза спросила Матрена.

В ответ – молчание.

«Ну, я тоже хороша, держу человека на холоде» – устыдилась
Матрена.

– А, ну, пошли в дом, – прикрикнула Матрена, отворяя решетку
ворот и подталкивая незнакомку к желтым окнам дома. – Да, шевелись, а то совсем око-
леешь.

- 47 -

В теплой кухне незнакомая женщина обессилено опустилась на
скамью, но несмотря на всю свою слабость продолжала крепко
прижимать к груди сверток.

– Давай, живо скидывай с себя все и грейся, – приказала Матрена.

– Фроська, чаво рот разявила. Быстро чаю с малиновым листом.
Женщина не шелохнулась.

– А, ну, давай сюды свое сокровище, – потянулась Матрена к
свертку.

Женщина, как будь-то очнулась, и отвела сверток в сторону, прикрывая его своим тонень-
ким, даже во множестве одежд, телом. Глаза
из щели платка смотрели испугано.

– Да, не бойсь ты, дурная, – улыбнулась Матрена, настойчиво
беря из цепких рук незнакомки сверток. – Скидывай свою одежду и марш
к печи.

Неожиданно сверток издал тонкий писк.

– Батюшки, – вскрикнула Матрена, крепче перехватывая
сверток. – Никак дите. Ты чаво, полоумная? Ночью в такой морозище
дите малое за собой таскаешь? У самой ума нет, так хоть бы дите
пожалела.

Матрена пододвинула широким движением руки кухонную
утварь со стола и принялась разворачивать кулек.

Раскрутив, ахнула и осела на скамью: на кружевных пеленках

вензеля князей Зубовых. Потерявшееся в лесу дитя принесла в отеческий дом эта странная незнакомка, вслед за непутевой матерью.

– Откудава ты девка? И нашла его где? – Матрена принялась хлопотать над ребенком, боясь поверить в случившееся чудо. – Есть Бог на свете, услышал он нас грешных.

Гостью, которая уже находилась в полуобморочном состоянии от холода, усталости и невзгод, принялась раздевать и растирать самогоном Фроська. Потом Матрена велела ей сбегать и кликнуть знахарку Катерину.

Катерина с барыней уже управилась и потому в кухне появилась довольно скоро. Осмотрела дитя.

– Дитя доношенное и здоровое, – произнесла знахарка. – Я тебе, Матрена, сказала, а ты уж сама решай, как барину своему говорить. Ты

- 48 -

баба умная, беды не наделаешь.

Матрена с широко раскрытыми глазами осенила себя крестом и понимающе кивнула.

– Ты девку погляди, – махнула она рукой в сторону незнакомки. – то ли полоумная, то ли немая. Я никак не разберу. Да и видать промерзла, как бы не захворала.

Старуха посмотрела в сторону печи, где сидела, с настороженностью вслушиваясь в разговоры, странная незнакомка.

– Одета странно, можа не нашенская, да и на лицо страшная, – пробормотала Матрена. – Посмотри ее, Катерина, жалко девку.

Шаркая ногами и кряхтя, знахарка подошла к печи.

– А, ну, девонька, открой рот.

Та оставалась сидеть неподвижно. Тогда старуха погладила ее по голове сухой рукой и принялась что-то нашептывать еле слышно.

Страница вздрогнула, ноздри ее задрожали, и она принялась быстро говорить на непонятном Матрене языке, судорожно хватая старуху за края одежды.

– Ступай, Матрена, я сама с ней управлюсь, а ты ребенком займись. – прохрипела Катерина.

Матрена, опомнившись, схватила в охапку ребенка и припустила в дом. Казалось, все тело этой женщины делает то, что положено, механически, самостоятельно от головы. Потому что голова у бабы

гудела как улей от событий минувшей ночи. Мысли вертелись, перемалывая полученную информацию, она составляла план, по

которому следовало вести себя и говорить, дабы в доме барском был мир и спокойствие. Задача была не из легких, но Матрена знала, что справится, так как кроме нее некому, да и не в первой...

Кормилицей к дитяте определили молодую бабенку, которая месяц как разрешилась третьим сыном–богатырем. Молока у нее хватило на троих.

Матрена разыскала дедушку Трофима и строго настрого приказала ему помалкивать о ночной поездке. Заставила деда побожиться перед иконами, хотя знала, что ее – Матрену дед Трофим

боится поболее, потому как Бог он небе, а Матрена со скалкой ходит совсем рядом. Горничные и Фроська тоже будут помалкивать – это

- 49 -

Матрена знала. «Укоротив» все языки, Матрена вернулась в кухню, где нужно было заканчивать прерванное приготовление блинов для графа. Странная девка спала у печи на лавке, а Екатерина о чем-то задумавшись сидела подле.

– По-каковски это ты с ней говорила? – поинтересовалась Матрена.

– Старый это язык, из староверных отшельников она, – отозвалась старуха.

– А в наши места как заблудила?

– Кто ее знает?

– Ох, темнишь ты, бабка! – не поверила в отговорку Матрена. – Сама то откель тот язык разумеешь?

– Слышь, Матрена, – перевела разговор старуха. – Тебе лишние объяснения перед барином ни к чему, ты отпусти девку со мной.

Матрена задумалась.

– И то верно, забирай, может хоть по человеку разговаривать научишь. Да я слыхивала, что староверы в леченях понимают. А ей у нас тяжело будет, без понимания то тяжело. – согласилась Матрена. – А о чем ты с ней говорила то?

Старуха улыбнулась и принялась будить незнакомку, говоря ей что-то на странном, булькающем языке.

Матрена тем временем завернула им с собой каравай хлеба, печеной репы, да бутылку с самогоном.

– На ка с собой, баба Катя, – сунула Матрена сверток старухе. – Потом еще пришло, как освобожусь. Масла постного, сала, крупы да соли. Только вот разгребусь и пришло своего мальчика.

Старуха осенила Матрену крестом и вышла на мороз, уводя за собой незнакомку.

«Ну, вот и ладно. Свидетелей меньше. Меньше объясняться» – подумала с облегченьем Матрена.

3

Мир в барской усадьбе с приездом графа Орлова не нарушился. Кто нужно помалкивал, что нужно Матрена доложила графу по приезду,

- 50 -

когда он кушал блины на кухне, по своему обыкновению, а не в столовой.

Мальчика окрестили Дмитрием и переименовать на английский лад, как это тогда было модно, Михаил Владимирович не позволил.

– В России живем, по-русски и зовите, – грозно прикрикнул он, однажды услышав от барыни переименованное имя.

Через шесть лет графини не стало. Нет, она не умерла. Анна Федоровна сбежала с каким-то итальянским офицером, бросив мужа и Митю.

Граф не был расстроен, он был оскорблен столь низким поведением своей супруги. Всю свою любовь он перенес на Митю, хотя, понимал, наверное, что он не его сын. У Матрены сердце кровью

обливалось, как принималась она думать о графе. Ведь, достойнейший человек, а обманут и предан со всех сторон. За что страдает человек?

Приезжала мать Анны Федоровны, бросалась зятю в ноги, уверяла, что ничего не ведала о распутных мыслях дочери. Умоляла зла

на нее не держать. Граф в ответ лишь молчал, да брови хмурил.

После того разговора пить начал безбожно, а через неделю запоя и вовсе слег. Врача звать запретил. Так бы, наверное, и помер бы старый граф, если бы Матрена не поступила опять по-своему.

Послала Матрена за бабкой Катериной.

– Ты здесь за каким дьяволом? – пробурчал граф, когда знахарка появилась в дверях спальни.

– Рано тебе еще приставляться, вот и пришла. – ответила та, снимая теплый платок с головы.

– Уходи, мне ничего не нужно.

– О сыне подумай, – ухмыльнулась старуха и села на край кровати. – Да, и не старик ты – помирать. Всего то шестой десяток разменял.

– Что с того?

– А то, что подольше моего поживешь. А пришла к тебе с просьбой. Уж не откажи старухе.

– С какой еще просьбой? Что ты, старая, удумала? Помирать собралась?

– Да, нет, с десяток годков я еще поживу. До мутных времен.

- 51 -

– Ты это о чем?

– Ты сам доживешь, увидишь, а я не хочу.

– Ладно, говори, о чем просить пришла.

– Дело тут такое. Шесть годков назад взяла я к себе девку одну жить. Бродяжничала она, да болела немотой ненужной. Сейчас поправилась она, вот я и подумала – к чему ей со старухой в лесу пропадать? Пусть у тебя она послужит. Никогда я тебя ни о чем не просила, да и отца твоего не тревожила просьбами. Сделай старухе милость.

– Что ж она делать умеет? – пожевав ус спросил граф.

– Она девка умная, добрая. Пусть при твоём сыночке послужит.

– Сама говоришь, что бродяжничала она. И к графскому сыну...Где ж видано такое...– возмутился граф.

– Однажды спасла она отпрыска твоего, на то ты не жаловался.

– Ты о чем это, ведьма старая? – граф присел в кровати, побледнев от усилия. – Совсем из ума выжила? Чего несешь?

– Да, ты не бушуй, барин. – старуха мягким движением уложила

графа в подушки. – Ту историю от тебя все умолчали, чтоб в гроб не свести, но сейчас, ужели жена твоя кукушку не сумела в себе скрыть, я тебе правду открою.

Старая Екатерина рассказала историю рождения и прибытия в отчий дом маленького Мити.

– Про ту девку только я да Матрена знаем. Звать ее Надей, – произнесла после невеселого повествования Катерина. – А сейчас, граф, на ко, выпей.

Старуха отвязала от пояса скляночку с белым порошочком внутри и пару гранул высыпала в стакан с водой. Граф, онемевший от услышанной только что истории, покорно принял лекарство.

– Пусть приходит твоя девка, – шепотом, посиневшими губами выдавил из себя граф Орлов. – Поглядим.

– Вот и ладно, – улыбнулась беззубым ртом и накидывая на голову платок, произнесла старуха. – Сегодня пришлю ее к Матрене.

– Ты любила моего отца? – неожиданно спросил Михаил Владимирович старуху, когда та была уже в дверях.

Катерина вздрогнула. Оглянулась.

- 52 -

– Мы любили друг друга больше жизни, – сверкнув глазами, произнесла она. – Я делала его счастливым. Тогда я была красива и

молода. Он был моим героем, вырвал из походной кровати самого Наполеона. Рисковал ради меня не только жизнью, но и честью русского дворянина и офицера.

Старуха вышла, оставив графа наедине с его мыслями. А мысли у Михаила Владимировича кружились в голове шумным роем.

Проносились воспоминания детства: его отец – герой войны с Наполеон, его мать – бледная, чахлая женщина с цепкими птичьими пальцами, которые больно впивались в руку, когда матушка бранила маленького Мишу. Повзрослев, Миша не мог понять, как его отец жил столько лет с маменькой и при этом не потерял бодрости духа и неумную тягу к жизни. По прошествию еще некоторого времени Миша понял, что отец попросту не замечал злую и вредную супругу, которую навязал ему долг чести его родителей. Отец Миши никогда не любил жену и искал утешения на стороне – среди своих крепостных девок, а в столице, где семья проводила зиму среди себе подобной знати, графа Орлова обожал, казалось, весь женский род.

Единственным родным и близким человеком, что называется родной кровью, граф Орлов признавал своего сына Мишу, и тот никогда не был обделен отеческой любовью и вниманием.

В пору Мишиного отрочества ходили слухи, что граф Орлов привез с войны 1812г. некую девицу, на которой жениться не смог, но и расстаться с ней не сумел. Поселил он ее в специально отстроенной избушке в лесу и хаживал туда регулярно. Кто была та девица, никто не ведал. Известно было лишь, что красота она была неопикуемой, звали ее Екатерина, и до встречи с графом Орловым была она любовницей самого Наполеона.

Михаила все эти слухи окружали с юности, и он привык

относиться к ним несерьезно. Почему же сейчас, спустя столько лет после смерти отца, и испытав боль от предательства собственной жены, он решил спросить эту старую, сгорбленную старуху, которая сама не помнила, который десяток лет живет на этой грешной земле, счастлив ли был его батюшка. И судя по ответу – да. Его отец, прожив всю жизнь рядом с нелюбимой женой, нашел в себе сил быть счастливым и дарить

- 53 -

полноценное счастье сыну своему.

А он сам? Отчего раскис он сам? Он избавился от не любившей его жены, ставшей в последнее время совсем чужой, так оно и лучше. Она не забрала с собой Митю. Так отчего он хандрит? Нужно радоваться жизни и дарить любовь своему мальчику. Воспитать его достойным человеком и дворянином.

Все это пронеслось в голове графа за долю мгновенья ледяным вихрем, сделав окружающий мир четким и понятным.

– Кузьма, – позвал граф, с трудом поднимаясь с кровати.

– Да, барин, – вездесущий Кузьма уже торчал в дверях.

– Вели баню истопить, свежее белье, камзол. И приברי тут все,

– отдал распоряжение Михаил Владимирович. – Матрене вели блинов завести. Обедать буду после у нее, в кухне.

Отчего любил Граф кушать в кухне он иногда и сам не понимал.

Но именно там он чувствовал, что вместе с телом, насыщается и его душа, отогреваясь у большого, пузатого самовара. Может, ощущение покоя и тепла от кухни в нем осталось с детства? Тогда он всегда убежал из за «взрослого» стола или когда маменька была сердита. Там, на большой кухне кухарка Агафья принималась стряпать для него блины, метая их с жаркой сковороды на расстеленное на столе льняное

полотенце. Блины были обжигаящими, но Миша хватал их и, дуя на пальцы, ел, обмакивая в пахнущее семечкой постное масло. Съесть он их мог штук сто, так тогда казалось. Потом, достряпав, Агафья садилась за стол и принималась перебирать крупу, рассказывая при этом сказки. На

кухню сбегалась дворовая ребятня, садились кто где и, притихнув, слушали, затаив дыхание, рассказы кухарки Агафьи. Потрескивали в

печи дрова, голос доброй женщины убаюкивал и Миша, разомлев, засыпал. Утром он просыпался в своей кроватке. Конюх Ефим каждый

раз уносил спящего мальчика в барский дом.

Миша вырос, но привычке своей не изменил. Кухня для него являлась олицетворением колыбели жизни. Здесь все зарождалось и начиналось. Поэтому, когда он мог, то с удовольствием покидал роскошную столовую с ее серебряными приборами и люстрой венецианского стекла, и отправлялся кушать в кухню.

Сейчас он тоже отправится туда. Теперь, ведь, нет рядом жены,

- 54 -

которая одернет его и напомнит, что ему нет места рядом с прислугой. И питаться надобно, как подобает дворянину – в столовой. Он был

свободен и от этого счастлив.

4

Прибывшая вечером того же дня от старухи Екатерины девица Надя оказалась на лицо неказиста, среднего росточку, волосы тускло русого цвета забраны в узел на затылке, кожа на лице – сероватого оттенка, как будто то никогда она не знала солнца. Черты лица напоминали нечто мышиное.

Но вот глаза.

Как только подняла она на него свои глаза, так граф обомлел.

Нет, они тоже не были красивыми или выразительными: маленькие голубые. Но от их взгляда сделалось тепло на сердце и спокойно на душе.

Так смотрят иконы, когда мы взываем к ним с мольбой за помощью.

Столько тепла было во взгляде этой женщины, что вся ее внешняя некрасивость враз стала не важной.

«Вот,
подумаешь,
некрасива,»–

подумалось

Михаилу

Владимировичу. – «Зато добра сколько у нее, на сто человек хватит души отогреть не хуже, чем у огня жаркого в студеной вечер».

– Здравствуй, Надя, – поприветствовал тепло граф девицу.

– Здравствуйте, Михаил Владимирович.

– Слышал я, что хочешь ко мне в поместье на службу наняться?

– Да, – еле слышно отозвалась Надя.

– Что ж, как вы, наверное, слышали, жена моя тут боле не живет.

Дом остался без женского надзора. Вот, подумалось мне нанять экономку. Да за одним за Митей присмотр требуется. Как думаете?

Одолеете такую задачу?

– Я попытаюсь, – уже более смело ответила Надя.

– Вы кем будете? Откуда?

– Я не помню этого. Но я справлюсь.

Граф удивленно вскинул брови.

– Ну, я должен знать, кого в дом беру. Что вы имеете. Ну, предположим, письмо и счет вы разумеете? Ведь придется вести счета.

- 55 -

Дом у меня большой, как видите, затрат множество. Если же вы всю жизнь на паперти милостыню просили, то не обессудьте, вынужден буду вам отказать. Не хочу вас обидеть, но меня поймите правильно.

– Я умею читать и писать, и считать. Я знаю, как управлять большим домом, но не помню откуда я. Я была больна долгое время. –

Надя гордо тряхнула головой.

– Я повторю – я не хотел обидеть вас.

– Я не оскорблена.

– Что ж, ступайте в кухню. Матрена вам все объяснит.

Этот нелепый, на взгляд Михаила Владимировича, разговор происходил в его кабинете. И у графа вертелась неустанно одна только мысль – как он, взрослый мудрый человек, может брать в дом неизвестную девицу без роду – племени, без рекомендаций. Брать на такую ответственную работу. Но, голова думала одно, а говорила иное. – Совсем я спятил на старости лет, – проворчал граф тем вечером, засыпая. Надежда Павловна, так стали звать особу неопределенного возраста, появившуюся в усадьбе графа Орлова и ставшую там экономкой. Была она спокойного нрава, но расторопна. В большом доме, как оказалось, управляться умела. Кто она и откуда взялась никто не знал, потому слухам по этому поводу не суждено было даже зародиться. За свои обязанности Надежда Павловна с первого дня взялась хватко и скользила по дому неслышной тенью. На первых порах во всем ей помогала Матрена. Но и спустя время, когда Надя освоилась, ее часто видели на кухне у Матрены за обсуждением хозяйственных вопросов. Мирная и спокойная Надя со временем пришлась по душе всем. Некрасивость лица ее с лихвой компенсировалась красотой души. Глаза ее всегда смотрели открыто и с теплом, никогда в них не было ни зла, ни обиды, ни зависти.

«Свет от нее, что от Богоматери», – переговаривались меж собой бабы.

Михаил Владимирович часто ловил себя на мысли, что его успокаивает присутствие Наденьки в доме. Он с удовольствием наблюдал, как она укладывает Митю спать, а перед сном долго, пока мальчик не уснет, рассказывает ему сказки.

- 56 -

– Почему я взял ее без рекомендаций? – бранил себя граф. – Завтра же пошлю запрос в столицу.

Но наступало завтра, и в голове у Михаила Владимировича возникал вопрос: «А хочу ли я что-то знать о ней кроме того, что она прекрасной души человек и почти сумела заменить моему сыну мать? Ведь хорошо я знал Анну Федоровну и ее семью и что в итоге?»

Спустя год после своего исчезновения в поместье объявилась Анна Федоровна. Одетая она была по последней парижской моде и, спускаясь из коляски, вид имела крайне надменный. Какой разговор

состоялся меж бывшими супругами не известно. Одно было точно: приятных вещей они не обсуждали. Анна Федоровна вылетела из

кабинета Михаила Владимировича пунцовая, и шепелявя что-то зло на английском умчалась в имение матушки. Удивительно было то, что эта женщина даже не попыталась встретиться с сыном.

На следующий же день граф Орлов отбыл в столицу.

Приехав обратно через неделю, не снимая дорожного плаща, он вызвал в свой кабинет Надежду Павловну.

Через шесть месяцев в местной маленькой часовне состоялось венчание графа Орлова Михаила Владимировича и его экономки без роду-племени Наденьки.

Хотя, пардон, имя и род после выхода из часовни у Надежды

Павловны Орловой появилось...

5

Старуха Екатерина померла, как и предрекала сама себе, в начале века. Обнаружил ее тело Егорка – сын Матрены, когда относил старухе продукты. Ее похоронили по распоряжению графа Орлова на фамильном кладбище, рядом с могилой отца Михаила Владимировича.

Дмитрий Михайлович к тому времени подросток и был отдан по семейной традиции в юнкера.

Граф Орлов с супругой жили в поместье и в столицу почти не выезжали. Хотя за границей бывали частенько. Посещали страны Европы: Венецию, Испанию, Францию, Англию. Одним словом, смотрели мир.

- 57 -

Надежда Павловна после замужества и свалившегося богатства не изменилась – оставалась все такой же кроткой и приветливой женщиной, которую, однако, послушаться было невозможно. По прошествии многих лет не изменилась Надежда Павловна и внешне. Невозможно было угадать ее возраста: то ли в 25 она плохо выглядит, то ли в 40 хорошо сохранилась.

Смутные времена начала века, что мы знаем о них? Наверное, то же, что и люди того времени. Все чувствовали, что в воздухе витает опасность, но откуда она и во что выльется предположить не мог никто. Как никто тогда не мог предположить, что станет с Россией.

Граф Орлов Михаил Владимирович скончался после того, как в 1916г его поместье разграбили. Кто? Люди без роду и племени. Они вышли из леса, в него и ушли. Подожгли барскую усадьбу и пару богатых домов в деревне. Граф слег с сердцем, а через неделю скончался в избе Матрены. Надежда Павловна неделю после смерти мужа не пила не ела. Все молчала и молилась. Но беда не приходит одна. Через неделю пришло известие, что погиб Дмитрий Михайлович в результате теракта в столице.

Надежда Павловна пропала на следующий день после получения этого известия. Ночью, не простившись, и не сказав, куда едет, она собрала кое какие вещи и исчезла. Куда уехала графиня? Хотя, у Орловых имелся небольшой домишко в Ницце.

Сколько людей сгинуло в ту пору, сколько знатных фамилий было истреблено. Революция 17 года растоптала грязным сапогом то, что наживалось веками, все те традиции, которые бережно возвращались и хранились, передаваясь из поколения в поколение, на земле русской.

Сколько из нас не могут сказать, спустя почти сто лет после тех событий, кто были их предки. Откуда есть пошел их род. Как будто танк своими мощными гусеницами изранил, срезал плодородный слой почвы с густорастущими благородными травами, а на этом месте, немного погодя, буйно разрослись семена прилетевших сорняков. И тот цветущий клеверный луг уже никогда не возродится. Так и будут колоситься здесь чертополох и осока.

Хотя, надо признать, справедливости ради, что любим мы танки.

- 58 -

Часть 3.

1

Варвара продолжала танцевать в «Лиане». Жизнь была легка и весела, как у всех студентов. Может быть и не так легка, но то, что весела – это точно. Время шло быстро, дни летели со скоростью света. На тренировочных репетициях Гера все так же агонизировал по поводу «тупой неповоротливости», топал своими карликовыми ножками и орал, срываясь на фальцет. После закрытия клуба, все собирались в зале ресторана и выпивали за болтовней свои «боевые» 50 грамм. В университете – лекции, всеобщие «ржания» в перерывах между парами, походы в соседнее кафе, а потом сессия, бурное празднование ее

окончания. Жизнь прекрасна на столько, на сколько это возможно, когда тебе 20 лет. Варя была счастлива и беззаботна, впервые после

смерти мамы. Ванька делал эту жизнь еще более счастливой своим вниманием и пониманием. Никогда бы она не подумала, что за суперменской внешностью может скрываться такой тонкий ум и чуткая душа. Варя всегда считала мужчин с красивой внешностью созданиями эгоистичными.

«Я очень люблю его», – частенько признавалась девушка сама себе.

Но, все хорошо до поры, до времени.

В один из вечеров в «Лиане» появилась, вернее, ворвалась в нее шумная компания во главе с кричащей девицей. Все они явно были под кайфом. Охрана по странным обстоятельствам бездействовала.

– Девки, дурдом, – влетела в гримерку Ленка. – Там такое... знаете кто нарисовался?

– Ну?! – все взгляды устремились на нее в жадном ожидании.

– Лица...

При этом у Ленки было такое лицо, как будто, она открыла теорему Пифагора лично.

– А это кто? – вырвалось у Вари.

– Ну, ты, Баранчик, даешь. Это Тотошина сестрица. Сейчас она там устроит, я чувствую. Тотоши нет, охрана с ней ничего сделать не

- 59 -

может. Ну, ваше...

Выдав всю информацию Ленка, понеслась обратно, посмотреть из подсобок, чем закончится визит непрошенных гостей.

Меж тем визит заканчиваться не собирался. Скорее наоборот: гости вошли в раж. К своему счастью, они ворвались не в ресторан, где

восседала рафинированная публика, а в дискотеку, где «клубился» народ помоложе и от подобных выходов в обморок не падал. Но даже

здесь Лика и Ко вызвали некий шок.

Парни принялись хватывать всех девиц, что попадались под руку, за самые интимные места, хотя ума у них хватало выбирать тех, кто не был в сопровождении мускулистой половины человечества.

Пару девчонок дебоширам удалось утащить в занятую кабинку, где жертвы пищали и усиленно отбрыкивались от приставаний нагло хохочущих отморозков. Лика была единственной девушкой в этой компании. Она наглым жестом подозвала официанта и заказала выпивки:

– Запиши на счет моего братишки, гарсон. – нагло заявила она.

– Братан в курсах. И не вздумай бодрить, а то в морду получишь, понял?

Официант со спокойствием удава бросил взгляд в сторону охранника, который тенью следовал за компанией дебоширов от самого входа. Сейчас секьюрити стоял в стороне и по рации переговаривался с начальником караула, докладывая обстановку. Старший дал добро, охранник кивнул официанту, разрешая заказ принять.

У охраны были связаны руки. Старший пытался дозвониться на мобильный Тотоше.

В случае, когда клиенты хорошо подвыпивали, и дело грозило беспорядками, у барменов была четкая инструкция – выпивка подавалась разбавленной. Делалось это грамотно, в зависимости от клиента и его состояния. Для таких случаев имелись несколько бутылок, с различной степенью разбавленности содержимого. Как известно, чем пьяней клиент, тем ему легче пьется, и не важно, что в рюмке: водка или коктейль из «боржоми» с добавлением водки. Это была «страшная» тайна заведения, но Лика, будучи сестрой хозяина, знала о многом.

- 60 -

Компании подали заказ: водку, мартини и виски.

Наконец, охранник не вытерпел и попытался вызволить вырывающихся девчонок. Сделал он это крайне интеллигентно, за что, очевидно, и получил удар в лицо от Лики ее двенадцатисантиметровым каблуком.

– Пусть мальчики веселятся. Это мои друзья. Я их пригласила.

– аргументировала Лика необходимость обороны.

Хорошенько навалившись на выпивку, компания разошлась не на шутку. Через некоторое время Лика оказалась на барной стойке, где принялась под музыку крушить бокалы и бутылки. Стажил ее со стойки Иван...

Ванька в этот злополучный вечер подменял одного паренька.

Лику он грубо дернул за ногу и та, не удержав равновесия, рухнула за барную стойку, разбив в кровь нос. И странное дело, если бы Лика была трезвой, то наверняка расшиблась бы насмерть, а так – ничего.

Подумаешь – нос.

– Ванечка, – завопила девица, не обращая внимания на боль в носу. – Ты ли это? Солнце...

Лика попыталась завалить парня на себя, но тот рывком поднял ее на ноги.

– Прекрати, ты, дура, – Иван встряхнул ее за плечи. – Опять за старое взялась?

– Э–э, поаккуратней, котик, – Лика попыталась вырваться.

Иван развернул ее, толкая перед собой, и направился в подсобку.

– Котик, я по тебе скучала. – оказавшись вне зала Лика попыталась обнять Ивана.

– Так, ты сейчас поблюешь, а потом умоешься. Поняла?

– А может...

– Пошла вперед...

Иван все так же грубо, не давая ей опомниться, втолкнул Лику в служебный туалет, включил холодный душ, втолкнул под упругие струи визжащую Лику. Девушка принялась яростно материться и царапать сильные руки Ивана. На визг прибежала уборщица Глаша.

– Быстро стакан и нашатырь, – скомандовал Иван.

- 61 -

Требуемое появилось незамедлительно, как будто в этом заведении каждый день приводили в чувства разбушевавшихся пьяниц. Нашатырный спирт в воде спровоцировал у Лики рвотные судороги, избавляя ее одурманенный наркотой организм от алкоголя.

– Глаша, – снова крикнул Иван. – Принеси какое-нибудь полотенце и сухую одежду. Это чудо надо переодеть, а то еще простудится.

Как только Лика была удалена из зала, охрана «ликвидировала» ее дружков, принесся извинения перепуганным девчонкам.

Буря в этот вечер свершилась.

2

На следующий день Геннадий Александрович с грохотом ворвался в квартиру своей сестры Лики. Та мирно посапывала на водяном матрасе, после вчерашних походов.

– Вставай, гадина. – Тоттоша не церемонясь скинул девушку на пол.

– Что такое. В чем дело. Я тут сплю. – заплетающимся со сна языком пролепетала Лика, пытаясь забраться обратно.

– Пошла мыться, дрянь. От тебя псиной воняет.

Геннадий поволок девушку в ванну за шиворот, где сунул под душ. Не давая ей опомниться он силой разжал ее рот и влил смесь воды и нашатыря из принесенной с собой фляжки.

– Тварь, ну какие же все суки...Хватит меня этой дрянью поить.

Я скоро желудок выблую. – простонала со злостью Лика чуть погодя, отползая от унитаза.

Она села на пол, сжавшись в комочек у стены

– Ты, что вчера вытворила? – не унимался Геннадий не смотря на жалкий вид сестры. – я же предупреждал тебя, чтобы ты не шаталась с этими выродками. А ты опять с ними связалась, да еще и наркоту проспонсировала.

– А-а, денежек поджал... – зло оскалилась мокрая Лика.

– Дура, мне тебя жалко. Мало я тебя из дерьма вытаскивал, да по наркологичкам таскал? Когда ты по-человечески жить начнешь?

- 62 -

Или сдохнуть хочешь, как собака в вонючей канаве? Так ведь и случится, если не перестанешь так себя вести. В один прекрасный день обнаружишь, что нет у тебя ни дома, ни денег, что твоим друзьям ты нахрен не нужна, потому что нет у тебя ничего, а трахать тебя можно только после поллитры – иначе тошно. Очнись. Кто ты?

Лица под эти крики принялась потихоньку выть, как ребенок, размазывая слезы кулаками.

– Все, хватит выть, приводи себя в порядок и иди жрать на кухню.

Геннадий отправился на кухню разгружать пакеты с едой, которые привез с собой, заранее зная, что у Лики в холодильнике висит

мышь. Геннадий не ошибся – мышь действительно висела. Это был

Ликин «прикол». Когда в холодильнике заканчивалось все съестное, кроме таблеток, она подвешивала во внутрь, на присоску плюшевую

мышку.

Через четверть часа Лица появилась на пороге кухни – с синяками под глазами, бледная и взъерошенная.

– Смотреть на тебя тошно, покойнике в морге и те симпатичней.

– А ты видел? – Лица дрожащей рукой схватила стакан с апельсиновым соком и принялась жадно пить.

– Кого?

– Ну, покойников в морге? – она перевела дух.

– Дура!

– Заколебал, дура, да дура. Че, других слов нет?

– Так, ну, хватит. Теперь слушай меня. – повысил голос

Геннадий. – ты вчера учинила в клубе дебош. Я отдал распоряжение, под страхом увольнения, больше тебя туда не впускать. Ясно? Во-вторых, мы сейчас едим в клинику.

– Я больше не буду.

– Хрен тебе. Я сказал, что мы едем сейчас в клинику. – Гена стукнул по столу кулаком

– Я больше не буду.

– Ты вчера человеку нос сломала своим копытом.

– Я нечаянно.

– За нечаянно бьют отчаянно. Все, собирай монетки.

- 63 -

Лица покорно поплелась собирать вещи.

Гена был старше Лики на 10 лет. Вообще то, братом он был ей сводным по линии отца. Мать Гены с его отцом разошлись, когда парню исполнилось восемь лет. Отец ушел к молодой певичке из местного ресторана. К яркой, как птичка колибри, Нелли. Через два года у Нелли родилась девочка Лица. Но жить с Нелли оказалось невозможным. Такой тип женщин создан лишь для веселого

проматывания денег. Для жизни семейной и для воспитания детей такие женщины не предназначены. В общем, отец вернулся к своей первой семье, склонив виновато голову и извиняясь. Жизнь потекла по-старому, благо мать была женщиной не злопамятной, а отец действительно осознал свою ошибку и раскаялся.

Нелли периодически врывается в их квартиру, и театрально заламывая руки, требовала денег на «воспитание ребенка». На упоминание о том, что на ребенка платятся ежемесячно алименты, певичка заходила в рыданиях и кричала на весь подъезд, что жалкие копейки алиментов они могут засунуть себе куда угодно. Заканчивалось все тем, что Нелли давали денег и она убиралась восвояси, но ненадолго.

Кончилось все это тем, что в один из дней в дверь позвонили и на пороге стояла худенькая девочка с запиской в руке. В записке значилось, что Нелли представился шанс устроить свою карьеру певицы, а Лику она на время отдает отцу. Мать Гены долго плакала в тот день у кровати с уснувшей девочкой. Добрая женщина, как только увидела Лику сразу принялась раздевать ее, выбрасывая в мусорное ведро тряпки, в которые та была одета. Потом долго мыла девочку душистым «Банным» мылом, потом, завернутую в махровое полотенце кормила у себя на коленях манной кашей. Так Лика и уснула, разомлев, у нее на коленях с ложкой во рту. Вечером, когда отец вернулся с работы, мать объявила, что нужно срочно оформлять опеку над Ликой и, что она не отдаст ее матери – кукушке.

– Если понадобится, то я эту гадину собственными руками придушу, – заявила решительно мать.

Лику родители отсудили, было это не сложно. Вернее, Нелли попросту лишили родительских прав, и девочка осталась с отцом.

- 64 -

Правда, не известно, узнала ли об этом когда-нибудь Нелли.

Гена всегда заботился о Лике, в его памяти она всегда оставалась тем худым, жалостливым существом, которое, как брошенный котенок, очутилось под дверью родительской квартиры.

После смерти родителей Гена, уже будучи совершеннолетним, продолжал содержать и воспитывать сестру, не позволив забрать ее в интернат. Они жили вдвоем, Лика училась в школе, Гена работал вальцовщиком на заводе.

Девушки у Гены были, но ни одна не задерживалась надолго.

Как только они узнавали о наличии сестры – иждивенки, то сразу испарялись.

– Так даже лучше. Значит не любит, – говорил Геннадий по поводу очередного «развода».

Но потом в их квартире появилась Наташа. Она улыбнулась Лике и отправилась в кухню готовить ужин. Наташа восприняла спокойно ситуацию Гены и потому была оставлена для совместного проживания.

Все было превосходно.

Наташа работала медсестрой и поэтому дома бывала два дня из трех. Она вела хозяйство, приглядывала за Ликой. Через полгода Гена женился на Наташе, а еще через шесть месяцев к ним в квартиру ворвалась милиция.

В комнате у Лики обнаружили ампулы с морфием и стограммовый пакетик героина. Наташа работала в онкологическом отделении, последние страдания тяжело больных облегчали морфием. Банду, в которой состояла Наташа, вычисляли долго. На допросах Наташа приплела к этому делу Гену, якобы он заставлял ее таскать морфий из больницы, поставляя ей пустые ампулы из-под лекарства, которые сдавались по строгой отчетности. Гене тогда присудили три года общего режима за соучастие.

Лике исполнилось в ту пору 16 лет, девочка осталась одна в двухкомнатной квартире, предоставленная сама себе. У нее не было ни навыков какой-нибудь профессии, ни денег на существование.

На дворе стоял 1991г.

По выходу из тюрьмы Гена обнаружил в их квартире

- 65 -

наркоманский притон, а Ликой еле живой от дурмана. С работой Гене помог парень, который вместе с ним мотал срок на зоне, паренек освободился раньше, но отыскал Гену, помня, как тот отстоял его в одной из драк. На зоне они, что называется, скорешились. Вадим оказался финансовым гением, но так получилось, что их фирму, занимавшуюся махинациями с налогами, накрыли соответствующие органы, и что бы не садиться всем, Вадим взял вину на себя, получив год. За этот год его подельники приобрели его жене огромную квартиру в центре Екатеринбурга. Выйдя на свободу, Вадим снова встал у руля. Гена, при поддержке Вадима, заработал денег на лечение Лики. Фирма Вадима продолжала набирать обороты в рыночных отношениях. Гена, взяв кучу кредитов, рискнул, и начал свой бизнес. Дело пошло, деньги потекли бурным ручейком. Сумев пережить 98 год Гена открыл «Лиану». Для души, как любил он говорить.

Все то время, пока брат делал деньги, Лика то лечилась, то выходила из клиник, то потом опять срывалась. Гена перепробовал все. Но ни уговоры, ни угрозы не помогали. Врачи советовали сменить место жительства, дабы уберечь девушку от дурной компании, которая ее преследовала. Гена отправил Ликой на курорт в Турцию на весь сезон. Через положенный срок Лика не вернулась домой. Ее нашли через месяц поисков в одном из борделей Стамбула. В поездку Гена не дал сестре ни цента, оплатив ей полный пансион. На наркотики Лика решила заработать сама...

Вот и вчера в «Лиане» Лика появилась в компании старых дружков. Все возвращалось на круги своя и Геннадий, как старый понурый ослик, закусив удила, потянул свою тяжкую ношу под названием сестра.

Ли́ка вышла из реабилитационного наркологического центра через два месяца. Гена всерьез решил заняться судьбой своей сестры. Он даже ловил себя на мысли, что стоит подыскать Лике порядочного мужа.

Как это не странно, но Ли́ка сама решила встать на путь

- 66 -

исправления. По выходу из клиники она уже четко знала чего хочет. А хотела она выйти замуж за единственного человека, которого любила в своей жизни – за Ванечку.

Она познакомилась с ним на одной из дискотек. Иван был тогда студентом первокурсником, и они с друзьями отмечали чей-то день рождения. Ли́ка была после очередного курса, то есть, держала себя в руках, пила умеренно и не нюхала кок. Она подошла к нему сама, паренек понравился ей безумно: высокий, с благородными чертами

лица, белозубой улыбкой – чистый, красивый мальчик. А в ее жизни давно не хватало чистоты. Ли́ка влюбилась впервые в жизни в паренька, который был младше ее на 5 лет. В тот вечер она увезла его к себе, и

Ванька на следующий день не появился в университете. Через неделю он переехал к ней из общаги, даже не подозревая о пристрастии Ли́ки к наркотикам. Ли́ка была счастлива впервые за много лет. Ваня был внимателен, ласков, он показал себя великолепным любовником, несмотря на юный возраст.

Единственное неудобство состояло в том, что у него не было денег, и все счета оплачивала Ли́ка. Ване это не нравилось, и зачастую он уговаривал девушку остаться дома. Но та не привыкла вести затворнический образ жизни, тем более после заточения в наркологичках. Ли́ка хотела веселья и праздника. Из этого затруднительного положения Ли́ка нашла единственный верный выход. Она устроила Ивана работать барменом в «Лиану».

Это место Ли́ка вырвала из Гены, можно сказать, с душой, вконец измотав брата скандалами, слезами и уговорами.

– Не могу я уволить кого-то из ребят, чтобы пристроить твоего дружка, – объяснял ей Гена.

Ли́ка рыдала. Кончилось все тем, что Гена утвердил дополнительную ставку бармена.

Так Иван попал на работу в самый модный клуб города, на денежную должность бармена. Пройдя курс обучения и, немного поработав, он зарекомендовал себя отличным работником, после чего Гена «снял» наблюдение с протеже Ли́ки.

У Вани появились деньги, у Ли́ки возможность выходить «в свет». Все были довольны, особенно Гена, который, наконец то,

- 67 -

чувствовал себя спокойным за сестру. Не сказать, что бы Иван любил Ли́ку, она нравилась ему своим незаурядным поведением и веселым

бесшабашным нравом. С ней было легко, и она была не злопамятна. Но, не хватало в их общении какой-то душевной близости и тепла, которым

одаривают друг друга по-настоящему родственные души. Не чувствовал Иван в Лике друга. С ней было здорово клубиться и тусоваться, но это быстро надоедает, несмотря на молодость. Однажды случилось неизбежное. Лика и Иван поссорились. После этой ссоры Лика «сорвалась». Бывших наркоманов не бывает.

Иван собрал вещи и ушел из дому в тот же вечер, когда Лика ввалилась домой

с

дурными
глазами,

в

компании

с

дружками-наркоманами. Девушка дико хохотала и лезла с объятиями к Ивану. Он грубо оттолкнул ее и выбежал в ночь. Переночевать ему пришлось в подъезде соседнего дома.

Наутро Иван железно решил, что больше никогда не будет жить у своих женщин. Он будет приводить их к себе, туда, где хозяином будет сам.

Лика ушла в «загул», пока оттуда ее не вытянул Гена. Вся жизнь этой женщины состояла из сменяющих друг друга полос дурмана и отходняков

Теперь Лика хотела иметь только одну нормальную жизнь, без полос. Много времени прошло со дня их последней встречи в «Лиане», которая закончилась для Лики рвотными судорогами над унитазом.

После клиники Лике захотелось вернуть Ивана, а вместе с ним и ту восхитительную жизнь, которой они когда-то жили.

Лика больше недели провела в салонах красоты. Она с трудом вымолила у Гены разрешение на посещение «Лианы».

– Я приду одна и даже пить не буду, – кротко проблеяла она.

Тотоша разрешил, дав распоряжение на отпускать его сестрице спиртное. А Лика впервые в своей жизни шла в «Лиану» не веселиться или слушать нотации брата, а всерьез обустроивать свое светлое будущее. Не учла она одного – не все счастье в жизни лежит и дожидается, когда его решат подобрать.

– Мне тоник со льдом, – Лика грациозно взобралась на стул у стойки бара.

- 68 -

Выглядела она великолепно: маленькое черное платьице – классика от мадам Коко; белокурые коротенькие кудряшки, искусно заколотые ловкими руками лучшего парикмахера города, в совокупности со свежей кожей лица, делали похожей ее на восемнадцатилетнюю девчонку; искусный макияж, ухоженные ручки с французским маникюром, изящные туфельки с кожаными ремешками, обвитыми вокруг стройных лодыжек. Лика в тот вечер была сама

элегантность и ухоженность. Она впервые не выглядела, как женщина – вамп, сошедшая с обложки «Плейбоя».

Иван оставался невозмутим, он подал стакан с тоником и пододвинул девушке пепельницу. Лика, не спеша, вытянула из сумочки сигарету и, когда Иван поднес ей зажигалку, затянулась. Она смотрела на него сквозь ароматный дым и улыбалась улыбкой Моны Лизы.

– Привет, Ванечка, – Лика не выдержала профессионального молчания Ивана. — ты меня, что же, не узнаешь? Я, что, похорошела до неузнаваемости?

Лика кокетливо повертела аккуратной головкой, потрепав, кудряшки рукой.

– Ты отлично выглядишь, и я тебя узнал, – Иван сдержанно улыбнулся. – Только у нас здесь правило – никакой болтовни во время работы с клиентами, да и работы, как видишь, хватает.

Произнося эти слова, Иван ловко смешивал коктейли в шейкере, наполнял бокалы, принимал деньги. Здесь нельзя было расслабиться ни на минуту, жажда клиентов была сравнима лишь с жаждой верблюдов после изнурительного перехода пустыни.

– К черту правила, я не кокой то там клиент, – Лика начала лобовую атаку.

– Ты по ту сторону стойки, значит клиент!

– В последнюю нашу встречу ты не слишком церемонился со мной. На пол меня уронил. Или у вас со всеми клиентами так обращаются?

– Моя дорогая, ты выплясывала кардабалет на стойке, а это уже не клиентство, а хулиганство. А с хулиганами ни где не обращаются нежно.

– Хорошо, Ванечка, – смягчилась Лика. – Но я хочу поговорить

- 69 -

с тобой. В нерабочее время у вас это разрешено?

– Разрешено, но только говорить нам с тобой не о чем.

Иван занялся приемом заказов, и Лика следующие двадцать минут была вынуждена созерцать веселящуюся толпу. Она неторопливо потягивала свой тоник, находя его вкус, без добавления водки, отвратным. Настроение начало ухудшаться, Лика даже предположить не могла, что с Иваном не удастся завязать разговора.

– Повтори, пожалуйста, – Лика поставила на стойку пустой бокал.

Иван не заставил себя долго ждать.

– Я не отстану от тебя, пока ты не согласишься встретиться со мной и поговорить. – Лика пойма руку Ивана, когда тот ставил на бумажный кружок запотевший стакан с напитком.

– Что ты хочешь мне сказать? По-моему, между нами и так все давно ясно.

– Ваня...

Иван сделал знак напарнику, чтобы тот его подменил, и вышел из-за стойки. Он подхватил Лику за локоть и завел в служебное помещение.

– Давай покороче, мне некогда.

– Я не хочу так. Мы могли бы, где ни будь посидеть?

– Чего ты хочешь? – задал конкретный вопрос Иван.

– Тебя – еле слышно произнесла Лика и затаила дыхание.

Она заглянула ему в глаза так, что если бы Иван не знал ее, то мог бы поверить в то, что она воплощение всего лучшего, что может быть в женщине.

– Пойдем, – Иван потянул ее по коридору.

– Куда мы?

– Идем, я покажу тебе кое-что, а, вернее, кое-кого.

Они быстро шли по служебному лабиринту «фабрики веселья».

Иван ворвался в гримерную к танцовщицам и весело поприветствовал девчонок, держа за локоть ошалевшую Лиду.

– Вот, девчонки, познакомьтесь – это Лика. А где Баранчик?

– Варя, – мгновенно понеслись окрики девчонок.

– Ну, шаво? – Варя появилась из-за ширмы с ртом, набитым

- 70 -

булавками.

– Варя, познакомься – это Лика, – Иван поставил миниатюрную девушку перед собой и слегка встряхнул ее.

– А теперь, Лидуся, подумай. Зачем я буду менять вот эту красотку, которую люблю, с которой живу и с которой мне до одури хорошо, на наркоманку-коротышку, у которой в мозгах одни танцульки и выпивка?

Он еще раз хорошенько встряхнул Лиду.

Варя в данный момент выглядела действительно потрясающе.

Полуголое, упругое тело без единого грамма жира поражало своим совершенством. Костюм, для исполнения танца живота, создавал иллюзию сказочности и делал девушку похожей на жар-птицу. Волосы еще не были уложены в прическу и волной растекались по плечам и спине. Варя растеряно смотрела на Лиду с высоты своего роста и от этого взгляда Лике становилось не по себе. Она, вдруг, почувствовала, что волосы ее и лицо не сексуальность Мэрилин Монро, а

искусственность куклы. Перед Ликой стояла королева, даже если ее раздеть, умыть и обрядить в лохмотья, в ней все равно будет видна порода. А вот если раздеть и умыть Лиду...Пусть эта девица танцовщица, но она хоть что-то умеет делать в этой жизни с шиком и блеском. А что может Лика? Только с шиком опрокидывать в глотку рюмки с водкой...

И, что самое гадкое для Лики – по Варе было видно, что она чистая, такая же, как Ванька. Именно чистая, таким словом Лика называла людей с понятиями о честности, чести и достоинстве. Лика была такой, пока не посадили Гену, а теперь этого уже не вернуть никогда, как не вернуть ей Ивана.

Лика поняла, что проиграла этой высокой красавице без боя.

Вот так просто. Той, даже, не пришлось рта раскрыть Лика вывернулась из рук Ивана и выскочила из гримерной, хлопнув дверью.

- Кто это? – недоумевала Варя. – И какого черта ты вваливаешься в гримерку к полуголым девицам?
- Мы не против, – захихикали девицы.
- Жаль, я уже одета, не мог ты, Ванечка, пораньше заскочить?
- закокетничала Ленка.

- 71 -

Девчонки все превращали в шутку, снимая напряжение ситуации. Здесь все чувствовали себя «в доску» своими. И пробежаться по коридору с заголенными прелестями не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Мужская часть персонала, в свою очередь, не смотрела на соблазны танцовщиц, облизываясь. Взгляды их выражали ровно столько желаний, как если бы девицы дефилировали в ватниках и валенках. Когда много сладкого доступно, его не очень хочется. Варя не до конца понимала, что произошло и что связывает эту девушку с Иваном. Отчего ее всегда вежливый Ваня так бестактно и грубо говорил и обращался с этой Ликой? В голове у нее вертелась масса вопросов, но тут в гримерную влетел Гера, и все закрутились с утроенной скоростью.

- Ладно, дома поговорим, – шепнула Варя Ивану и вытолкнула его за дверь. – Иди, пока Гера не обнаружил в его заповедниках браконьера.

Тем временем Лика ворвалась в кабинет своего брата, захлебываясь слезами. Дорогая французская косметика расплзлась под глазами, волосы растрепались.

- Что стряслось на сей раз? – Гена был не на шутку встревожен состоянием сестры.

– Он... он ваще... я ведь...

Лику била дрожь истерики.

- Объясни толком, что стряслось, – Гена схватил сестру за плечи и встряхнул.

Но Лика ничего не могла толком сказать, рыдая навзрыд. Гена успокаивал сестру около четверти часа, пока, наконец, смог добиться внятного рассказа. Выслушав сбивчивые Ликины повествования, он усмехнулся:

- А ты чего ожидала? Что, думала, он к твоим ногам упадет?

– Не... Я только... чтобы он мне шанс, чтобы он мне его дал. А он меня полной дурой... перед этой шлюхой...

- Успокойся и перестань выть, – оборвал ее стенания Гена, утирая ей нос своим платком.

– Ты сама виновата в том, что тебя так унизили.

Гена зашвырнул мокрый платок в мусорную корзину и сел в

- 72 -

свое кресло.

- Я думала, что ты меня поймешь, а ты...

– Я достаточно понимаю и жалею тебя всю твою жизнь.

– Засунь свою жалость, знаешь куда, – зло огрызнулась Лика и закурила.

– Ладно, жаловаться! Если бы не твоя дурь, у тебя была бы прекрасная жизнь. Другим, вон, горбатится с утра до вечера приходится, чтобы на хлеб заработать. А ты?

– Чихать мне на других. Мозгов нет, вот пускай и пашут.

– Ты на себя глянь. Да, у меня девчонки в стриптизе – одна умней другой. Им бы кандидатские защищать, а они вынуждены задом вертеть, чтобы на жизнь зарабатывать, потому что нет у них богатеньких братцев, которые будут нянчиться до самой пенсии. Ты в своей долбаной жизни ни дня не проработала, а еще стонешь тут. Ты хоть знаешь цену тысяче рублей?

– Опять начал? Да пойди ты...

Лика оперлась руками на стол и наклонилась к Гене:

– Задолбали меня твои нравоучения. Понял?

Гена схватил ладонью с растопыренными пальцами Лику за лицо и оттолкнул от себя. Девушка упала в кресло.

– Опять за лицо лапаешь, гад. Я сколько могу говорить, что мне это ни фиги не нравится?

– Так, все, мадам, ваше время истекло. Собирайся, умывайся, одевайся и убирайся. И что бы я больше тебя сегодня не наблюдал.

Поняла? Завтра поговорим, когда ты перестанешь огрызаться. Домой тебя отвезет мой шофер. И не вздумай у него стрелять денег. Я его предупрежу на этот счет.

– Да пошел, ты. Все уроды. Я вам еще покажу.

Лика выскочила в коридор. Она слетела в служебный туалет и долго стояла там, оперевшись в раковину руками и глядя на свое опухшее отражение в зеркале.

– Все уроды, – зло пробормотала она.

Лика открыла кран с холодной водой и принялась умываться, потом долго вытиралась бумажными полотенцами, а после, снова

смотрела на себя в зеркало. Она выскочила из «Лианы». У входа уже

- 73 -

стояла машина Гены. Лика, вернувшись к себе домой, принялась остервенело срывать с себя одежду. Переодевшись в джинсы и свитер она устремилась в спальню. Под тумбочкой у кровати она стала выковыривать полоски паркета. Тут она когда то, в тайне от брата установила сейф. Лика не отдавала себе отчета зачем ей это нужно. Возможно, это ее взбунтовавшаяся натура так решила. Она хотела иметь хоть маленькую тайну от своего братца. Он совал свой нос во все ее дела, а тут пусть, не нужная, маленькая, но тайна.

Лика извлекла из сейфа пистолет. Она выменяла его год назад у одного наркомана на дозу героина. Девушка не знала, даже, как называется этот пистолет. Стрелять из него ей довелось лишь раз. Тогда она осталась одна на даче. Оружие было в рабочем состоянии. И вот теперь Лика решила, что час этого оружия пришел.

Она сунула пистолет за ремень джинс, одернула объемный

свитер и решительно направилась к выходу. Она знала, что она делает. Она знала, что это плохо, но она хотела это сделать. Иначе, ей никогда не станет легко.

На улице Лика поймала машину и поехала обратно к «Лиане».

На входе охранник удивленно поднял бровь, увидев ее входящей второй раз за вечер, но уже в другом одеянии. Внутри ее пустили беспрепятственно. Лика направилась в ресторан. Она знала, что варьете танцует там...

4

Варвару закрутил обычный бешеный ритм. Гера, как обычно, орал, закатывая глаза и заламывая руки. Впрочем, его никто не слышал

– все давно привыкли к его манере выражать эмоции.

Девчонки заканчивали переодеваться и выскакивали на танцевальные номера. Отскакав пять танцев, Варя с напарницами, намного отдышавшись, начали готовиться к последнему выходу. Уже

поднимаясь на сцену, они встретились с девчонками, чье выступление только что закончилось. Одна из них бросила на ходу:

– Слышь, Варюха, там эта мадам заявила, с которой Ванька приходил. Сидит бледня бледней, минералку хлещет...

- 74 -

– Потом поболтаем, – отмахнулась Варя.

Только поболтать в этот день, а, вернее, утро не довелось. В ту ночь Лика стреляла в танцующих на сцене девушек. Стреляла она в Варвару, но промахнулась.

Из всего случившегося Варя помнила лишь раздавшийся, как в тире, хлопок, и Оля, что танцевала рядом с ней, упала навзничь, как в замедленном кино. Музыка продолжала играть, а перед оцепеневшими девчонками медленно растекалась лужа крови из изуродованного выстрелом лица девушки.

Раздались крики из зала. Люди вскакивали из-за столов, опрокидывая стулья. Телохранители, прикрывая крепкими телами, рыхлые туловища своих хозяев, теснили их к выходу, профессионально

оглядывая зал в поисках источника опасности.

Лика не думала никуда бежать, она стояла, выронив пистолет на пол. Подбежавшая охрана уже принялась крутить девушке руки, другая часть секьюрити пыталась водворить подобие порядка в зале.

Музыку, наконец, выключили, и вопли посетителей стали врезаться в уши бутылочными осколками.

– Не вздумай вызывать сейчас ментов, – орал кому-то в рацию начальник охраны. – Сейчас сами немного разберемся... Пусть все поутихнет...

Лику уводили из зала с окаменевшим лицом, которое перекосила маска ненависти ко всем и вся в этом мире.

Один из охранников накрыл скатертью с опрокинутого стола лицо убитой. По белоснежному льну стала растекаться кровь.

– Девки, а, ну, брысь отсюда... Серега, уводи их аккуратно... –

отдавал распоряжения вездесущий начальник охраны. – Давайте, топайте, не цирк... Девчонки начали понемногу приходить в себя и подчиняться приказам. Только у Вари ноги не топали, уши не слышали, а язык намертво прилип к гортани. Она неотрывно смотрела на ставшую багровой от крови льняную скатерть широко раскрытыми глазами и, казалось, все больше цепенела. Внезапно она вздрогнула от пронзившего все тело холода и перевела глаза в сторону. На нее в упор, обдавая ледяным веяньем, смотрел человек. Он

- 75 -

стоял над трупом, наступая на край окровавленной скатерти. На посетителя ресторана он был не похож в силу нелепого одеяния, в которое был облачен, так же он не являлся сотрудником «Лианы» – это Варя знала точно. На человеке был одет черный, какой-то грязный и засаленный плащ с капюшоном, который он откинул на спину, оголив совершенно лысый череп. Лицо было желтого цвета, как старая бумага. Бескровные, тонкие губы не до конца прикрывали белый ряд острых зубов. Узкие глаза с тигриными зрачками желтого цвета смотрели пристально, заморозив Варю, за несколько минут, до костей. Внезапно, человек в черном резко нагнулся над трупом Ольги, в то же мгновение один из охранников обнял Варю за плечи, пытаясь

увести ее со сцены.

Варя вздрогнула от его прикосновения и отвела взгляд от незнакомца.

– Баранчик, ты чего как из морозильника? – удивился охранник и накинул на голые плечи девушки пиджак.

Когда ее уводили, то девушка вновь оглянулась на труп Ольги, но странного человека в черном балахоне уже не было. Варя на ходу, еле передвигая ногами, обшаривала взглядом зал ресторана, но не

могла обнаружить среди прочих людей лысого человека с ледяным взглядом страшных глаз хищника.

В гримерке толпился народ, девчонки голосили. Гера кого-то приводил в чувства при помощи нашатыря и корвалола, запах которых повис в помещении. Из рук в руки, не переставая, передавались рюмки с коньяком, кои наполняла неустанно Белла Абрамовна.

– Нам всем необходимо прейти в себя после этого ужаса. –

Белла Абрамовна протянула вошедшей Варе рюмку с ароматным напитком благородного цвета. – Пей, деточка, тебе нужно сейчас. Да, и мне не помешает...

После этих слов Белла Абрамовна сотворила неслыханное и невиданное доселе действие – она опрокинула в себя рюмку «Арарата». За всю свою жизнь Белла Абрамовна не пила ничего крепче кваса, а тут – рюмку коньяка, да одним махом, как водку. Но произошедшее событие стоило того.

Варя опустила в кресло, но плакать не могла. Коньяк немного

- 76 -

отогрел ее, трясущейся рукой она отдала пустую рюмку.

– Поедем домой, Варюша, – теплая и родная рука Ивана легла на ее плечо. – Поедем, дружок. Тебе отдохнуть надо.

Иван накинул на ее плечи плащ и она, как была, в сценическом костюме, покорно вышла вслед за Иваном из «Лианы» в прохладное серое утро Екатеринбурга. Иван поймал машину.

По приезду домой у Вари поднялась температура. Она не могла подняться с кровати, чувствуя, что в голове гудит, как внутри колокола, а суставы выворачивало, как клещами.

– Да ты заболела, – Ваня, откликнувшись на слабый зов Вари, потрогал ее лоб. – Нечего себе! Ну, ты даешь! Что болит? Ладно, не дрейфь, сейчас приедет добрый доктор.

Иван сделал звонок по сотовому:

– Танюшка, выручай, у меня здесь госпиталь...

Пару минут он описывал клиническую картину болезни Вари, потом назвал адрес и отключился.

Добрый доктор оказалась шикарная блондинка, причем, оттенок волос был натурально-скандинавский. Варе вошедшая

девушка напомнила Ринату Литвинову с ее неподражаемой манерой держаться. Облачена, сея красавица была в дорожный брючный костюм черного цвета в тонкую полоску. Варя могла отдать руку на отсечение, что с изнанки на вороте пиджака болтается скромный ярлычок «Гучи». Фигура девушки без костюма не выглядела бы хуже. Копна волос была закручена в незатейливый узел и заколота шикарным гребнем с россыпью алмазной крошки.

«Ничего себе!» – подумалось Варе, несмотря на все ее мучения

– «Если она так выглядит утром, на срочных вызовах, то можно предположить, в чем она выходит на тусовки.». Лицу некоторую притягательную экзотичность придавал чуточку длинноватый нос. Косметика на этом лице присутствовала настолько дорогая, что была практически незаметна.

– Познакомься, Варвара. Это – Таня. – Представил вошедшую Иван.

Таня, потерев изящной ручкой с маникюренными коготочками, изящное ушко, улыбнулась и кивнула Варе. Оставив

- 77 -

небольшой элегантный саквояжик, Таня пошла в ванну мыть руки.

– Это кто? – спросила тихо Варя.

– А, Танюха, – отозвался тот. – учится в медяге, по старой дружбе работает «Скорой помощью». Кстати, спец она классный. Ее папик в Нижнем Тагиле раньше работал нейрохирургом, потом, когда границы открыли, его в Штаты переманили. А Танюха, вот, здесь осталась. Родину не продаст за доллар.

Таня вошла в комнату и уселась на стул рядом с кроватью. Она деловито открыла свой саквояжик, который, оказался набит всевозможными медицинскими штуковинами.

– Ну, колись, как допрыгалась до такого состояния? –

обратилась она к Варе.

– Не знаю, ночью замерзла дико, потом только до дому доехать успели. А теперь даже встать не могу, все ломит.

– Замерзла то где?

– На работе.

– Ты, что на хладокомбинате работаешь?

– Да, нет, – усмехнулась Варя. – так получилось...

Варя осеклась, вспомнив события, произошедшие несколько часов назад.

Тем временем Таня сунула ей градусник подмышку, осмотрела горло и измерила давление.

– Чего болит?

– Болит все.

– Как?

– Нос сопливит, глотать не могу, башка гудит, суставы выкручивает.

– Ладно, все ясно. – заключила Таня, увидев показания термометра. – Ванька, дуй в аптеку, купи все по списку.

Таня быстро написала названия нужных лекарств.

Иван список взял и читая его на ходу вышел из комнаты. Через мгновение он вернулся обратно.

– Танюш, я чего-то не понял, – обратился он к девушке. – на кой черт понадобилась туалетная бумага, да еще непременно «Зева»?

– Вань, – принялась объяснять Таня. – У Вари насморк, что бы

- 78 -

он прошел быстро не надо туда-сюда микробы швыркать. Туалетная бумага – вещь в таком случае незаменимая. Высморкался, выбросил и порядок. А «Зева», потому что она очень мягкая, чтобы нос не нашеркать.

– Ну, может тогда ей одноразовых носовых платков взять? А то как-то...

– Слушай, Ванька, ты чего миллионер? Одноразовые носовые платки? Тоже мне графья... Бери бумагу и без разговоров делай то, что доктор прописал.

Иван вздохнул и побрел покорно в аптеку.

– Ты, знаешь, со мной так впервые, – произнесла Варя, когда за Иваном захлопнулась входная дверь.

– Что впервые?

– Ну, болезнь.

– Хочешь сказать, что за всю жизнь ни разу не болела?

– Нет.

– Ну, что я могу сказать – повезло тебе крупно.

Воцарилось неловкое молчание.

Таня рассмеялась:

– Да, ладно тебе, не бойся меня так. Да, мы когда-то с Ванькой встречались, но теперь мы просто отличные друзья. А мужчины меня интересуют другого полета.

- Господи, ты не обращай на меня внимания, – у Вари отлегло.
- Я сама не своя после этой ночи.
- Что же у вас на работе произошло? Ты ведь, как и Ванька, в «Лиане» работаешь?
- Да. А ты откуда знаешь?
- Видела тебя пару раз на сцене, я там иногда бываю. – ответила Таня. – Знаешь, мне очень понравился танец в светящихся квадратах. Очень здорово смотрится танцующий силуэт в квадрате света.
- Да, наш хореограф на такие выдумки большой мастак.
- Где ты учишься? – продолжила разговор Варя.
- В медяге.
- Это мне уже Ванька доложил. На кого?
- Специализацию я пока не выбрала. – пожала плечами Таня. –

- 79 -

хотела себя попробовать хирургом. Хотя очень это сложно, потому что все начнут сравнивать с моим отцом, а его переплюнуть невозможно – он бог в своем деле.

История Тани Меньшиковой была образцом того, как человек талантливый, трудолюбивый и чуточку удачливый может добиться в жизни всего сам. Будучи дочерью известного нейрохирурга, она пожелала продолжить династию медиков и отправилась поступать в медицинский институт. Несмотря на огромный конкурс, Таня поступила сама, без помощи папиных связей. Таня переехала в Екатеринбург и поселилась в общежитие, не пожелав, что бы родители купили ей квартиру в мегаполисе. Она решила, что всего добьется сама. Потянулись бесконечные будни с ненормальным темпом учебы и проживанием в вечном шуме, грязи и тесноте студенческого общежития. Удача улыбнулась ей на втором курсе. Она стала свидетельницей автомобильной аварии. Стоял ноябрь с жутким гололедом, Таня торопилась на утренние лекции и решила срезать по дворам. Внезапно, услышала визг тормозов и грохот. Шикарный мерседес, последней модели на бешеной скорости, врезался в столб. Сразу, после столкновения, на водительском месте надулась подушка безопасности. В тихом дворе никого не было, и Таня кинулась со всех ног к пострадавшему. За рулем без сознания сидел парень. Подушка туго придавила его довольно крупное тело, дело шло к тому, что, будучи без сознания парень мог задохнуться. Не придумав ничего более оригинального, да и времени на раздумье не было, Таня разгрызла толстенную резину подушки безопасности. Вытянув парня из машины, она обшарила его карманы и найдя сотовый телефон, вызвала «Скорую». Свою спасительницу парень отыскал, как только вышел из больницы, через неделю. Он преподнес ей в знак благодарности кольцо с бриллиантом, размером, больше напоминающий булыжник, а не драгоценный камень. Кольцо Таня приняла, так же как и приглашение в ресторан. Костик, так звали парня, решил, что девушку, которая спасла ему жизнь необходимо по-королевски отблагодарить. Увидев, же Танюшу и поговорив с ней он потерял голову. Через месяц регулярных

свиданий Таня переехала жить в Шикарный загородный дом Костика.

- 80 -

Но на этом все не закончилось. Как-то к Константину заглянул его давний приятель. Парни поплавали после баньки в бассейне, попили пивка, а поскольку на улице стоял уральский месяц март, то

наутро оба слегли с температурой и соплями. Таня поставила их ноги за три дня. Слава о ее «даре целительницы» разнеслась среди определенных кругов моментально. Многочисленные знакомые Костика начали звонить и консультироваться.

С Костиком Таня рассталась к лету, когда тот укатил в Эмираты с какой-то девицей. Но Таня не расстроилась. Она продала все драгоценности, что подарил ей Костик, добавила долларов, которые он оставил ей в качестве отступных, и купив небольшую квартиру, съехала из загородного коттеджа. Но связи с приятелями и знакомыми

Кости она не прекратила. Девушка теперь могла свободно принимать приглашения на оказание медицинских услуг.

Люди денежные жутко заняты и идти на прием в поликлинику или платную частную клинику им некогда. Поэтому «крутые» парни призывали на помощь своему здоровью хорошенькую Танюшу, которая умела подобрать лекарства, ставящие на ноги за пару дней. Она

умела совершенно безболезненно поставить укол, которых многие мужики боятся больше, чем импотенции. Одним словом, в наследство от Костика Таня получила хоть и специфическую, но денежную клиентуру. Появились деньги. Один из ее клиентов сломал ногу. Девушка дежурила у его кровати, ставила обезболивающие. Когда нога зажила, пациент подарил ей «Жигули» девятой модели. Кое-кто делал подарки в виде норковой шубки, колечка с бриллиантом. А, уж деньги в конверте, французские духи и тонны шоколада дорогих марок подносились с завидным постоянством. Конечно, не обладай Таня потрясающими внешними данными, не видать ей всего этого, ведь, все презенты она получала не только за свою умную голову, но и за красивые глазки.

При все этом Таня не забывала и своих друзей студентов. Она всегда с готовностью и совершенно безвозмездно лечила и их.

Вскоре вернулся Иван, нагруженный лекарствами и книгами.

– Вот, купил тебе и чтива, чтобы со скуки не померла. – сказал он, выгружая книги на тумбочку у кровати.

- 81 -

Таня сделала Варю пару уколов и отправилась с Иваном на кухню завтракать, после чего отправилась на лекции в Университет.

– Тут звонил Тотоша, – Иван вошел к Варю в комнату. – Хочет приехать поговорить насчет случившегося. Ты как?

– Пусть приезжает, – кивнула Варя. – я девушка не истеричная.

– Ладно, ты тогда пока поспи, а я смотаюсь до «школы». Тотоше позвоню, чтобы вечером приехал.

Иван уехал в университет, а Варя, устроившись на подушках поудобней, принялась читать. Благо, после укола голова перестала болеть. За чтением она незаметно уснула. Проснулась от жуткого грохота на кухне.

«Ванька – медведь, опять, что-то уронил.» – пронеслось в голове сквозь сон. Глаза закрылись сами собой.

Через небольшой промежуток времени повторившейся шум снова вырвал Варю из забытья.

– Твою мать, – совсем неласково произнесла девушка. – Он что там, торнадо изображает?

Варя с трудом поднялась из постели и отправилась в кухню.

Ванька на пищеблоке отсутствовал. Зато, после краткого обзора вытряхнутых внутренностей всех шкафов Варя узрела среди руин глазастое создание, которое, прижав огромные уши, смотрело настороженно на нее. Вернее, тварей было три, двое других спрятались за стол и выглянули чуть позже.

– Чего это Танька мне навтыкала? У меня даже глюки начались,

– с опаской за свое сознание прошептала Варя.

Внезапно первая тварь оттопырила уши и, быстро замахав ими, с мерзким, пронзительным криком налетела на Варю, пытаясь своими когтистыми лапками, больше похожими на птичьи, расцарапать ей лицо. Варя инстинктивно прикрыв голову руками бросилась прочь из кухни.

5

Иван, вернувшись домой через четыре часа, обнаружил исцарапанную Варю без сознания, лежащую на полу в коридоре. Он кинулся в кухню за наштабырем, ужаснувшись царившему там

- 82 -

беспорядку, схватил нужный пузырек и принялся приводить в чувства побледневшую Варю.

Девушка пришла в себя, но по ее глазам было видно, что соображает она с трудом. Взгляд был дикий и блуждающий. Ваня отнес Варвару на кровать и принялся звонить по телефону, вызывая Таню.

«Добрый доктор» приехала через полчаса. Все это время Иван, обеспокоенный не на шутку состояние Вари, пытался добиться от нее

хоть что-то вразумительное. Но Варя не помнила ничего. Ни как она оказалась в коридоре, ни про бардак на кухне, ни про царапины на своем теле. Вернее, какие-то туманные лохмотья воспоминаний мозг выдавал, но это больше походило на бред шизофренички, чем на реальность.

– Что случилось? – озабоченно спросила Таня, поспешно входя в комнату.

– Я, наверно, пошла в туалет и упала, и ничего не помню, –

предприняла тщетную попытку, воссоздать картину случившегося, Варя.

– Ага, и сама себя исцарапала в кровь, – рявкнул, не

сдержавшись, Иван. – Слушай, Варька, я понимаю, что тебе тяжело после того, что с Ольгой случилось, я в этом сам виноват, привел эту

наркоманку обдолбанную к тебе, вот она и взбесилась, решила отомстить. Я до сих пор не могу простить себе. Ведь, не промахнись она... Даже подумать страшно. Хотя Ольгу я себе тоже не прощу. На мне ее смерть. Но давай ты сейчас возьмешь себя в руки и начнешь успокаиваться.

Иван говорил на одном дыхании. Все переживания, накопившиеся за последнее время, вырвались наружу. И если после

трагедии в «Лиане» он смог взять себя в руки, чтобы ни расстраивать и ни пугать еще больше Варю, то теперь не выдержал. Его напряжение достигло критической точки. Сейчас он был напуган состоянием самой дорогой для него женщины. Он не мог смотреть до какого жуткого и жалкого состояния он довел эту красавицу, за какие-то 12 часов.

– Так, ну, хватит, а то еще и тебе придется успокоительное вкалывать. – одернула Ивана Таня. – Брысь на кухню, тяпни водочки и сиди там, мы тут выясним все сами.

- 83 -

Когда Иван отправился на кухню, Таня принялась промывать царапины перекисью.

– Странные какие, – тихо проговорила девушка себе под нос, разглядывая ранки. – Глубокие, тонкие, как лезвием полосовали. Варя попытайся все же вспомнить, что произошло.

Но девушка в ответ лишь удрученно покачала головой.

– Ладно, ничего страшного, – улыбнулась Таня. – Тебе просто нужно отдохнуть, успокоиться, поспать. И Ваньке скажу, чтобы не оставлял тебя одну какое-то время.

Таня погладила Варю по голове утешая.

Но Варины плечи содрогались от беззвучного плача. Ей было страшно. Вспоминалось все, что произошло за день.

– Мне, наверно, в больницу надо? – всхлипывала Варя.

– Куда? В психушку? – улыбалась Таня, обнимая за плечи и прижимая к себе. – Не выдумывай, если ты думаешь, что ты чокнутая, значит ты не чокнутая, потому что ни один псих никогда не скажет про себя, что он ненормальный.

Таня вколола Варе снотворное и, дождавшись, когда лекарство подействует, отправилась к Ване на кухню.

Отчего то кухня в нашей жизни занимает очень важное место.

Кажется, что это сердце нашего дома. Здесь жизнь кипит, как ароматный бульончик в кастрюльке. Мы ведем здесь разговоры по душам, устраиваем скандалы с битьем посуды, здесь протекают ночи за посиделками в компании бутылочек и старинных друзей. И нет места более уютного и родного в нашей квартире, чем кухня.

Но когда Таня вошла в кухню Вари, то уютным это место назвать можно было с трудом.

– Японский городской, тут чего было? – вырвалось у Тани.

Ваня за время пребывания в этом хаосе разгреб «тропинки» по которым можно было передвигаться без угрозы перелома при внезапном падении. С чувством выполненного долга он восседал за

столом, на котором возвышалась бутылочка «Смирнов».

– Будешь? – обратился он к Тане, кивая в сторону запотевшей емкости.

– Давай, – согласилась Таня. – Только зачем такой продукт без

- 84 -

закуски лопать?

Таня по-хозяйски залезла в «Филипс», извлекая из его внутренностей балык в нарезке и сыр.

– Шикарно живете, студенты, – улыбнулась она. – А огурчиков у вас не будет?

Получив отрицательный, ответ вздохнула и уселась напротив Ивана, предварительно выудив из свалки на полу стакан, который ополоснула под краном.

– Сто лет водки не пила, – закусывая, произнесла Таня. – Ладно, Ванька, выкладывай, что у вас стряслось. На нее смотреть жалко. Как

бы действительно не пришлось в психушку сдавать.

Иван обстоятельно изложил последнюю ночь работы в «Лиане».

– Да, у меня бы тоже крыша поехал, если бы кто-то стрелял в меня, пусть даже и промахнулся, – задумчиво протянула Таня. – Одно мне, Ванечка, не понятно, как и чем она себя исполосовала, и зачем тут «бомбежку» устроила.

– Я во всем виноват и эту потаскуху Лику придушить готов, – со злостью произнес Иван.

Ладно, за нее не переживай. Ей несмотря на денежки братца отвертеться не удастся. Свое она получит, и думаю, что получит не мало.

– Тань, останься сегодня у нас. – попросил Иван. – Я заплачу.

– Да, отвали ты со своими деньгами, – поморщилась Таня. – Конечно, я останусь. Это лучше, чем срываться посреди ночи и снова к вам ехать. Не дай бог, конечно.

Раздался звонок в дверь.

– Черт, – ругнулся Иван. – Совсем про Тотошу забыл.

Ваня отправился открывать дверь. На пороге стоял Тотоша.

Один. Вид он имел неважнецкий: волосы всклокочены, под глазами тени, уголки рта оттянулись вниз, спина, всегда прямая, ссутулилась, как у старика.

– Здорово, Ваня, – Гена протянул руку, как только перешагнул порог.

– Здравствуйте, Геннадий Александрович, – Иван ответил на

- 85 -

рукопожатие. – Проходите в комнату. Выпьете, что ни будь?

– Нет, благодарю.

Геннадий Александрович прошел в гостиную и расположился в кресле. Он быстро оглядел комнату, удивившись, несмотря на подавленное состояние, шикарному ремонту и обстановке.

«Интересно живут нынче студенты» – с иронией подумал он.

– Где Варя? – поинтересовался Геннадий Александрович.

– Спит. Заболела она, – усаживаясь напротив гостя произнес Иван.

– Из-за вчерашнего? – отводя глаза уточнил Тотоша.

Иван кивнул.

– Слушай, Вань, я приехал сказать... Я тут подумал... Короче, выгораживать Лиду я не буду. Адвоката пусть получит бесплатно.

Конечно, получит она по полной катушке, жалко ее, но выхода другого

я не вижу. Портить жизнь мне и себе – это одно, но отнимать у других

– это беспредел. Пусть посидит на зоне, подумает. Я к тому это все

излагаю, что если вас вызовут показания давать, то не стесняйтесь, говорите все как есть.

На меня не оглядывайтесь. На работу пока

можете не выходить. Недельку придите в себя. Если Варе нужны

деньги на врачей, то не стесняйтесь. Я отдал распоряжение приобрести

на ваши имена путевки к морю. Съездите, отдохнете.

Тотоша говорил быстро, как будто боялся, что разволнуется и

не сможет сказать все, что хотел. Он чувствовал себя виновным в

произошедшем. За все проделки своей сестрицы Тотоша всегда

расплачивался деньгами, но то были шалости. Какими деньгами можно

расплатится за расшатанную психику, здоровье и тем более жизнь?

– Денег не надо, хотя спасибо. А вы не в чем не виноваты, Геннадий Александрович. Не стоит себя винить. Лика взрослый

человек и во всех своих бедах виновата сама. Сама должна и отвечать за содеянное.

Иван смотрел Тотоше в глаза.

– Где я не доглядел? – Тотоша сокрушенно обхватил голову руками.

Иван вышел из гостиной и через некоторое время вернулся со стаканом воды в руках.

- 86 -

– Вот, выпейте, полегчает.

Тотоша покорно принял стакан, выпил и поднялся на ноги.

– Ладно, пойду. – выдохнул он. – Если какие проблемы, то звони мне на сотовый.

Геннадий Александрович протянул визитку.

6

Прошло два дня. Все это время Варя спала, кушала, читала и снова спала. Утром третьего дня Ваня не выдержал и, посчитав, что выглядит и чувствует себя Варвара хорошо, решил завести разговор на волнующую тему.

– Варя, ты зачем устроила бардак на кухне?

– Она неспешно отставила чашку с липовым чаем:

– Ты знаешь, я уже над этим вчера думала. Это не я.

– А кто? Я?

– Вань, я тебе скажу кое – что, но ты только обещаю, что не

будешь смеяться и не испугаешься за меня.

– Во заявочки, что это ты мне сообщишь, что даже не представляешь моей реакции?

– Ну, в общем, я думала, что мне приснилось, но боль то от царапин настоящая. Ты когда в тот день ушел, я уснула. Проснулась от грохота в кухне. Я на кухню когда вошла, там эта гадина с глазищами на меня кинулась. Я когда ее только увидела, испугалась, думала крыса сидит. А потом она полетела...

– Стоп, стоп...– замотал Иван головой. – Ты хорошо подумай.

Сама то слышишь, что сейчас говоришь?

– Я уверена в том, что сейчас говорю.

Варя ответила серьезно и Иван, знающий ее не первый день, поверил.

– Ты точно уверена, что это не глюки? – уточнил он на всякий случай.

– Я тоже сперва думала, что все – моей головушке триндец пришел. Но ты сам подумай, не я же себя расцарапала.

– Что это за крысы – мутанты у нас завелись? Опиши их по

- 87 -

подробней.

– Ну, размером, наверно, с кошку. Я особо не разглядывала, времени было в обрез. Голова лохматая и большая и глазища – во...–

Варя поддела крышку от сахарницы и покрутила ее в воздухе. – Вот такущие глазища, и уши большие. Они их сперва к голове прижимали, а потом одна ими замахала и в воздух поднялась.

– погоди, – прервал Варю Иван. – Кто это они? Их, что много было?

– Трое.

– И что тебя все трое царапали? – Ваня содрогнулся, на секунду поверив в правдивость, истории.

– Нет, только та, которую я первой увидела. И лапы у нее четыре, а когти острые на таких птичьих пальцах.

– Варька, ты отдаешь отчет в том, что сейчас тут мне говоришь?

– Ага, – кивнула Варя. – Я тоже по первости думала, что надо в больничку сдаваться, а вчера ничего – свыклась...

– Свыклась она...– фыркнул Иван. – Слушай, ты в последнее время ничего странного не замечала больше?

– Ты имеешь в виду пляшущих чертиков?

– Харе придуривать. Я переживаю за нее, а она тут идиотку ломает из себя.

– Нет, Ванечка, – посерьезнела Варя. – Ничего подозрительно странного я не замечала, хотя после того дня у меня все странно...

– В смысле?

– Ну, например, я сроду не помню, чтобы когда-нибудь болела, а тут, на тебе – грипп.

– Ты это серьезно? Насчет болезни? – Ванька наполнил свою чашку кофе.

– Ага, – кивнула Варя. – Ни в школе, ни в саду. Не помню я, чтобы болела. – Варя потянулась по примеру Ивана к кофеварке.

– Ты бы пила свой липовый чай. – побеспокоился Иван. – Кофе возбуждает.

– Да, ладно тебе, – отмахнулась девушка. И продолжила: – Я замерзла в то утро ужасно. Даже не могу понять от чего. Стояла, как дура, смотрела и чувствовала, что даже сердцу холодно...

- 88 -

Варя вдруг замолчала и уперлась взглядом в холодильник.

– Ты знаешь, меня очень удивило откуда он взялся? – прервала она молчание.

– Кто? «Филипс»? – отследив ее взгляд, спросил Иван. – Из магазина он взялся. Сама выбирала. У тебя, что еще и амнезия теперь?

– Да, нет, – отмахнулась Варя. – Про «Филипс» я помню.

Совсем то уж не надо издеваться. Тот мужик...

– Какой еще мужик?

– Ну, мы когда там, на сцене рядом с Ольгой стояли, то собралась куча народу. И этот мужик, странный такой, одет в рванье, как бомж... И сам какой-то... Как мертвец... На меня посмотрел, я похолодела. А потом меня трясти начало.

– Ну, а делся он куда?

– Кто?

– Мужик...

– Не знаю. Меня Валерка потом в гримерку отвел, а потом мы домой поехали.

– Может он наш. Может ты его, просто, не узнала?

– Кого? Валерку?

– Ну, Варан, ну, ты даешь. Того мужика. Может он у нас работает?

– Нет, у нас в таких рамках даже «экологи» не работают. «Экологами» в «Лиане» называли уборщиков помещений.

– Милиция отпадает тоже, – продолжила Варя рассуждения. – На такие лохмотья погон не приляпашь.

Из всего разговора Ванька понял, что с головой у Варьки после убийства в «Лиане» стало плоховато. Говорить на эту тему они больше не стали.

Через отпущенную Тотошей неделю на отпуск Иван вышел на работу. Варя, излечившись от царапин и гриппа, возобновила посещения университета. Об убийстве в «Лиане» старались не вспоминать. Крысы-мутанты на кухне больше не появлялись и не безобразничали. По «Лиане» бомжи в лохмотьях и с лицами мертвцов, тоже, больше не расхаживали. Варя забыла благополучно все свои страхи, и жизнь понеслась дальше, сметая бурным потоком

- 89 -

неприятности из-за «поехавшего» дорогого чулка или похмелья после бурного отмечания какого-нибудь знаменательного события.

Когда мы молоды, мы счастливы просто потому, что живем.

В ту ночь ей приснилась мама. Она сидела в кресле – качалке на веранде большого дома с белыми колоннами. Мама улыбалась, смотря в даль, и ее некрасивое лицо было наполнено каким-то мягким светом., настолько приятательным, что было невозможно отвести взгляд.

Вокруг стояла немая тишина, не было слышно даже шелеста легкого ветерка. На маме было длинное белое платье с отложным, кружевным воротничком, волосы забраны вверх и уложены в незатейливую прическу. Все выглядело, как акварель на тему быта помещиков конца 19 века. Варя никогда не видела маму одетой в такое платье и с такой прической. Сон длился бесконечно долго, но в нем ничего не менялось.

Надежда Павловна тихо покачивалась в своем кресле – качалке, улыбаясь в горизонт. Все было пронизано тишиной и

умиротворенностью, но Варя очнулась от сна в холодном поту. Она села в кровати с бешено бьющимся сердцем.

Ночь была наполнена привычными звуками: тиканье часов в гостиной, шум ночного проспекта за окнами, сопение спящего Ивана.

«Вот хорек. Тут люди чуть от инфаркта не умирают, а он дрыхнет» – подумала раздосадовано Варя. От этой несправедливой по отношению к Ивану думки стало значительно легче, сердце перестало выпрыгивать наружу, пытаясь сделать это через горло. Варя выскользнула из-под одеяла и пошлепала босыми ногами в кухню. Не зажигая свет, она выудила из «Филипса» бутылку с водой и принялась жадно пить прямо из горлышка. «Утопив» трепыхающееся сердце в минералке, Варя наполнила водой стакан и подошла к окну, делая мелкие глоточки. Девушка оперлась лбом в прохладное стекло. «Чего я дурочка так напугалась?» – подумала Варя, – «Надо тяпнуть «Ново Пассит» и идти спать. Завтра дурной денек. Хотя лучше тяпнуть коньячку...»

Варя прикрыла расслабленно глаза, а когда открыла их вновь, то встретила взглядом с двумя «желтыми блюдцами». Мерзкая тварь, которая не так давно пыталась разнести ее образцово-показательную

кухню весела напротив, за окном, тихонько помахивая своими ушами.

- 90 -

Варя вздрогнула, дыханье ее перехватило, и в желудок опустился мерзкий холод, но явно не от выпитой минералки.

Варя попятилась от окна в глубь кухни, отмахиваясь от силуэта за окном одной рукой. Вторая рука судорожно сжимала стакан с водой.

– Кышь, – тихо и сипло выкрикнула Варя. Внезапно она остановилась и оглянулась. Из темноты коридора надвигался человек в болохоне. Это был тот ужасный незнакомец из «Лианы», тот самый, который окатил ее ледяным взглядом, склонившись над телом несчастной Оленьки.

«Я сошла с ума» – пронеслось в покидающем ее сознании...

- 91 -

Часть 4.

1

Иногда, наше сознание играет с нами в дурные игры. Как часто мы не можем, очнувшись ото сна, отличить настоящую реальность от мира грез. Оцепенение, недоумение, лихорадочно работающие мысли, которые как локомотив поезда начинают набирать скорость, анализируя происходящие с окружающим миром метаморфозы – это то

немногое, что настигает нас после пробуждения. Десяток секунд и все: мы в нашем привычном мире, в реальной жизни, сбросив оковы сна, и

проведя четкую, жирную линию между двумя царствами. Еще через полчаса царство Морфея тает в небытие, и мы не помним даже смутно, что пригрезилось во сне. И только наша душа хранит воспоминания, она помнит, какие чувства испытывала: страх, боль, радость, любовь.

Душа не забывает никогда то, что пережила. И мы на протяжении долгого времени можем ощущать на себе действие этой «памяти». Варвара была погружена в сон, который липкой теплой массой окутывал ее со всех сторон. Сознание находилось в состоянии близком бреду. Оно кусками выдавало ей окружающую информацию: серые камни стен, темнота, потом какие-то шевеления у глаз. Веки приоткрывались на эти шевеления, но глаза невидяще уставились в сумрак. Вокруг было глухо и липко. Чувствовалось, как волосы тяжелой колышавшейся массой обволакивают шею, спину и грудь.

Волосы как бы жили отдельно от Вари, они перекатывались волнами, скользя по обнаженному телу. Тело было напрочь лишено

одежды – это Варя отчетливо чувствовала, как чувствовала теплую, липкую массу сна, которая обволакивала это тело и высасывала силы.

Сколько она спала так – безразличная и не мыслящая, не удивляющаяся ничему и безвольная в своем желании проснуться. Хотя, желание проснуться и не было вовсе, оно пропало куда-то и возникать, откуда-то не собиралось.

Дрожащие мелкой нервной дрожью ручки пробежались по ее лицу. Веки Варвары открылись, на сей раз, выхватив из темноты пару светящихся быстрых глаз. Глаза заморгали быстро-быстро, потом

- 92 -

исчезли, послышалась какая то возня, звуки, похожие то ли на разговор человеческий, то ли на звериное тьяканье. Вокруг Вари замелькали быстрые тени, и она почувствовала, что множество мелких рученок вытаскивают ее тело, вырывая из теплого и липкого сна. Варя ощутила холод от соприкосновения мокрой кожи с воздухом, но холод исчез, как только на нее накинули теплое покрывало, пахнущее пылью.

Варя почувствовала движение под своим телом. Вернее, почувствовала, что тело ее перемещают. Веки девушки опять

открылись. Глаза принялись наблюдать быстрое мелькание серого камня на своде. Со всех сторон доносились приглушенные звуки, похожие не то на стоны, не то на стенания, которые смешивались с шуршанием маленьких ножек под ее носилками.

В голове у Вари пронеслась мысль (первая за долгое время, хотя и пугающая своей ненормальностью), что и ручки, и ножонки, и

пыхтение принадлежат одним и тем же существам, которых она чувствовала, слышала, но не видела, и что эти существа не рода человеческого.

Свод начал озаряться золотистым светом.

«Где-то

близко

выход

из

этого

вонючего

подземелья», – пронеслась в голове у Вари вторая по счету мысль.

Потом последовала ослепительная вспышка света, которая больно хлестанула по глазам. Инстинктивно Варя зажмурилась, но казалось, что даже веки не способны избавить ее глаза от боли, которую причинял яркий свет. Варе захотелось кричать и заслонить глаза ладонями, но сил не было ни на то, ни на другое действие.

– Дайте ей что-нибудь на глаза, а то ослепнет, – хриплый женский голос раздался над Варей. – Ну, живей поворачивайтесь.

Последовал глухой удар, очевидно, чьей-то ноги по чьему-то телу. Удар сопровождался жалобным поскуливанием. Варе через мгновение на глаза упала спасительная завеса.

– Она не может подняться, – раздался с лева скрипучий жалобный голосок.

– Без тебя вижу, что она дохлая, – опять хриплый женский голос. – Я же велела слегка подвyalить ее, а вы, что натворили. Стоит уехать надолго, и ваши тупые головы начисто забывают все приказы. А

- 93 -

если бы она подохла? Жалкие твари! Вам доверяют будущее Переселенной, а вы кроме, как жрать падаль и объедки ничего не соображаете...

Последовал снова глухой удар и жалобный скулеж. Варе надоело изображать слепую, и она попыталась рукой скинуть, с переставших болеть глаз, повязку. Руки не слушались. Все, что удалось девушке – помотать головой.

– Ладно, снимите с ее лица повязку, убавьте свет и пошли все вон...– отдал раздраженным тоном распоряжение женский голос.

Послышалось топанье маленьких ножек, сопровождаемое старательным пыхтением, и повязка с глаз была снята.

Тихо скрипнула закрывающаяся дверь.

Варя огляделась. Она лежала на возвышение в комнате все из того же серого камня, напротив нее в кресле с высокой деревянной спинкой, украшенной тонкой резьбой, сидела женщина. Одетая незнакомка была в черное платье, которое переливалось всеми цветами радуги, даже под скудным светом, что пробивался сквозь затворенные ставни окон-бойниц. Поверх платья была накинута пелерина из черного шикарного меха. Женщина была немолода. У нее были тонкие правильные черты лица, белая кожа без единого намека на морщины. В

глубоком декольте платья виднелась аппетитная грудь, которая, несмотря на худощавость незнакомки, отличалась достаточной

пышностью. В целом женщина была картинно хороша, эдакая леди-вамп. Но во всей этой безукоризненной красоте не доставало чего-то, что делало бы этот образ до конца безупречным.

«Волосы!», – ахнула про себя Варя.

Волос на голове у странной незнакомки и впрямь не было.

Голова ее была абсолютно лысой, как бильярдный шар.

«Боже, она, что после эпидемии тифа?» – подумалось Варе.

– Здравствуй, Невеста! – прохрипела незнакомка уже знакомым голосом после того, как убедилась, что Варя закончила ее изучать. – Как спалось тебе, дитя? – женщина улыбнулась, обнажая два ряда жемчужно-белых зубов идеальной формы.

«Ей бы в пору «Колгейт» рекламировать!», – подумалось опять не к месту девушке. – «Впрочем, вряд ли бы ее взяли сниматься в

- 94 -

рекламном ролике, потому как она улыбнулась – ну, чисто рысь оскалилась. Б–р–р, даже жуть берет! И, вообще, несмотря на всю идеальность и соблазнительность форм – жуткая особа».

– Мерзко, – вслух ответила на заданный вопрос Варя, решив, что церемонится не стоит.

– Ну, прости, я не доглядела, – женщина молитвенно сложила руки у груди. – Никому ничего нельзя доверить, все сама...

Внезапно Варю пронзила мысль: «Она не разговаривает по-русски, но я понимаю ее и ... Что за чертовщина? Я ответила ей...».

Мозг принялся лихорадочно соображать, что происходит. У людей в совершенстве владеющих иностранным языком бывает такое.

Они, не задумываясь, понимают, что говорят им и так же, не задумываясь, отвечают. Некоторые, даже, думают на иностранном языке, мысленно произнося целые монологи. То же самое происходило сейчас и с Варей.

Первое время в школе, когда она, будучи пятиклассницей, начала изучать английский, Варя очень хорошо воспринимала и

понимала все, что говорила учитель на этом шепелявом наречии.

Девочка чувствовала в то время себя умной собакой, которая все понимает, но сама сказать не может. Ее язык долгое время плохо слушался, и произносить иноземные слова упрямо отказывался. Хотя все слова английского языка были знакомы и понятны без труда из уст других.

Незнакомка прочитала на лице Вари испуг и, догадавшись о его причине, улыбнулась:

– Не пугайся, ты говоришь на родном тебе языке. Не пытайся сейчас ничего понять, потом все само встанет на свои места.

– Я в дурдоме?

– Где? – женщина недоуменно вскинула соболиные брови, услышав незнакомое слово на русском.

– Точно в *психушке*. Сперва какие-то летающие кошки

мерещились, теперь вот вы... Только не говорите мне, что вы какая-нибудь Мария Антуанетта, хотя выглядите вы вполне как особа королевских кровей.

– Ты не ошиблась, я действительно королевская особа – мать

- 95 -

наследника

Гесара.

Имя

мое

Ермения,

я

первая

жена

Гутора – правителя царствия Казеров.

– Впервые слышу, – Варя устало прикрыла глаза, еле сдерживая крик отчаяния от услышанного бреда.

Будь Варя в добром здравии, все происходящее показалось бы ей ужасом, но в данный момент ослабленное тело притупляло восприятие окружающего пространства, тем самым, спасая сознание от шока.

– Ты сильная, – прервала молчание Ермения. – Я испугалась, когда узнала, что тебя все еще держат в темнице, думала, что ты умерла.

Ну, ничего, ты окрепнешь, мы будем за тобой ухаживать. Сейчас, моя девочка, нам необходимо отправляться в путь. Мой сын ждет тебя.

– Где мы? Где я нахожусь? – слабо отозвалась Варя.

– Пока у меня нет времени на объяснения, а у тебя нет сил. – был дан ей ответ.

Ермения порывисто поднялась и сразу же, как по команде, послышался топоток от вбегающих маленьких ножек. Маленькие

цепкие ручонки подоткнули пыльное покрывало на теле Вари и, подхватив носилки, быстро понесли ее из комнаты. Вновь замелькали каменные своды, носилки мерно покачивало, и Варя невольно погрузилась в забытье...

2

Очнулась она от мерного шороха, воды и покачивания.

Медленно, уже опасаясь того, что может предстать перед ее взором, она открыла глаза, которые неминуемо уперлись в потолок, но уже не каменный, а деревянный. Ложе ее действительно мерно покачивалось, из чего Варя сделала вывод, что находится она на каком-то водоплавающем сооружении.

Она огляделась, насколько позволяла ее ватная шея.

Варя находилась в каюте, шикарно убранной коврами. Ковры, как в юрте кочевника, присутствовали везде: на полу, на стенах, на

сиденьях и спинках двух массивных диванов, стоящих вдоль стен.

Посреди каюты, на резных ножках, в виде стволов могучих деревьев,

- 96 -

возвышался огромный стол, занимающий почти половину свободного пространства каюты. В круг стола были приставлены скамьи, устеленные коврами, по стенам, поверх ковров, были развешаны мечи в ножнах, украшенные драгоценными камнями. Впрочем, зрелищами произведений искусства с драгоценными камнями Варя не была избалована и судить об увиденном могла с трудом. Но все же оружие потрясло тонкой отделкой.

Варя лежала на третьем диване, находящемся в каюте. И чувствовалось, что лежать стало несказанно удобней, чем на жестких носилках. Пыльное покрывало исчезло, его место сейчас занимало мягкое одеяло. Очевидно, тело Вари начало возвращаться к жизни, потому что девушка ощутила дискомфорт от липкости кожи.

– Укрыть укрыли, а помыть не догадались, гады, – зло подумала она.

Предположить, что же с ней происходит на самом деле, Варя так и не могла. Голова гудела от пустоты. Варя тупо уставилась в потемневшее дерево потолка и попыталась побороть нарастающее чувство гадливости от немытого тела. Она не понимала, сколько времени прошло, и как быстро оно течет. Она вновь уснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.